

Зони и, разумеется, присутствовалъ на свадьбѣ. Зоня шутила съ нимъ и все болѣе интересовывала.

— А что, если я сыграю съ вами въ четъ или нечетъ, какъ играютъ маленькія дѣти, — сказала она, когда Коханъ напомнилъ ей общаніе, — открою руки, въ которыхъ ничего не окажется?

Коханъ улыбнулся и погрозилъ ей пальцемъ.

— Ну, да Богъ съ вами, — сказала новобрачная, помучивъ его, — приходите завтра утромъ и узнаете, что надо.

Конечно, Коханъ явился, какъ и подобало шаферу. Зоня встрѣтила его съ плутовской улыбкой, и когда Рава, послѣ поздравленія новобрачныхъ и пожеланія имъ мирной и счастливой жизни, обратился къ ней съ тѣмъ же вопросомъ, она призадумалась и медленно сказала:

— Я каждый день, по утрамъ, удаляюсь съ королевой въ уборную и запираюсь на замокъ. Завтра же утромъ я не запру дверь... вѣдь я могу забыть? Пусть король придетъ... случайно... и онъ увидитъ то, чего не ожидаетъ и что послужитъ ему достаточной причиной избавиться отъ Рокичаны...

Зоня больше ничего не сказала, отвернувшись и пошла, такъ что Коханъ остался почти ни съ чѣмъ. Все-таки онъ пошелъ къ королю и объяснилъ ему все свое предпріятіе, чтобы убѣдить его сдѣлать утренній визитъ женѣ. Хотя король ужъ давно не бывалъ на ея половинѣ, во избѣжаніе всякихъ непріятностей, однако-же рѣшился пойти, въ той увѣренности, что онъ увидитъ нѣчто необыкновенное, что дастъ ему возможность избавиться отъ непріятностей...

— Хорошо, — сказалъ онъ про себя, — я пойду... Разумеется, я не забуду о сынѣ и не оставлю ихъ обоихъ; но лично отъ нея — я долженъ избавиться, ибо она злая и несносная женщина.

На слѣдующій день утромъ все было сдѣлано такъ, чтобы Казиміръ, входя къ женѣ, не засталъ никого въ комнатахъ и какъ бы случайно заглянулъ въ туалетную, въ которой она причесывалась и вообще совершала что-то таинственное.

Коханъ проводилъ его до помѣщенія королевы. Король прошелъ къ туалетной комнатѣ, взялся за ручку, отперъ дверь, которая оказалась не запертой, и вошелъ въ нее... Зоня, услы-

шавъ шаги, какъ будто испугалась и бросилась къ двери, чтобы запереть ее, но было ужъ поздно...

Рокичана сидѣла на мягкомъ стулѣ передъ зеркаломъ съ обнаженной головой, которая по обыкновенію всегда была покрыта темнорусыми волосами, великолѣпно заплетенными и завитыми въ булки, обромлявшія овалъ ея лица... Въ этотъ моментъ онъ увидѣлъ ее совсѣмъ лысую; черепъ ея былъ покрытъ красными пятнами и ранами, вѣроятно отъ вредныхъ косметическихъ средствъ.

Рокичана, увидѣвъ мужа, отъ котораго тщательно скрывала свои недостатки, ужасно вскрикнула, закрыла лицо и наклонилась къ столу. Казалось, что она обомлѣла... Но не тутъ то было: чрезъ минуту она разразилась страшнымъ гнѣвомъ и, вскочивъ со стула, набросилась на мужа.

— Смотри!—крикнула она, —сверкая покраснѣвшими отъ злости глазами.—Ты заподозрилъ меня и хотѣлъ подсмотрѣть, какая я на самомъ дѣлѣ?! Такъ полюбуйся!.. Меня выдали... измѣнили... обманули!.. Я не перенесу такого срама!..

И она сильно толкнула стоящую близъ нея Зоню.

— Прочь съ глазъ моихъ, змѣя подколодная!—крикнула она, ударяя ее.

Король онѣмѣлъ при видѣ такого безобразія жены. Онъ взволновался, но въ то же время въ немъ проявилось сожалѣніе къ ней.

— Вы не можете жаловаться на обманъ, — отозвался онъ, — ибо вы долго обманывали меня... Дальше мы не можемъ жить вмѣстѣ, а браниться и грызться, какъ собакамъ—намъ не подобаетъ... Поэтому, вы прекрасно сдѣлаете, если оставите Краковъ... Что касается нашего сына, то я не забуду о немъ и воспитаю его какъ королевскаго ребенка.

Христина упала на стулъ и, задыхаясь отъ слезъ, ужъ не слушала его и не отвѣчала.

Король повернулся и ушелъ, оставляя ее одну, а Боханъ, по его приказу, тотчасъ послалъ къ ней камеристокъ.

Въ тотъ же день почтенный духовникъ королевы пришелъ къ ней съ порученіемъ отъ короля для переговоровъ.

Рокичана, сопротивлявшаяся до настоящаго времени очистить замокъ отъ своего присутствія, теперь сразу поддалась

и ужъ сама не захотѣла остаться въ Краковѣ. Она только потребовала, съ присущею ей гордостью, обезпечить сына и отказалась отъ обезпеченія себя, а также и отъ подарковъ. Всѣ драгоценности, которые ей подарилъ король, она собрала вмѣстѣ и отослала въ королевскую сокровищницу, даже не оставивъ себѣ того перстня съ сапфиромъ, который былъ первымъ звеномъ теперь ужъ порванной супружеской цѣпи.

Какъ прежде она стоически отстаивала свои права и оставалась на мѣстѣ, несмотря на всѣ притѣсненія, такъ теперь она съ такою же лихорадочностью готовилась въ путь, не желая оставаться въ замкѣ ни одного лишняго часа. Она отказала всѣмъ, желавшимъ видѣться съ нею, и не согласилась оставить у короля своего ребенка...

Въ одно прекрасное утро, передъ разсвѣтомъ, Рокичана тайно уѣхала изъ замка въ каретѣ, въ сопровожденіи небольшой свиты; она закуталась, чтобы ее никто не узналъ. Близъ города ее ужъ ждалъ ея братъ съ порядочнымъ отрядомъ, чтобы доставить ее безопасно въ Прагу.

Когда Коханъ доложилъ королю, что Рокичана уѣхала, онъ вздохнулъ свободно и лицо его просіяло. Тѣмъ не менѣе тяжелый упрекъ самому себѣ сохранился въ его сердцѣ, и теперь, когда ея не стало, онъ пожалѣлъ ее... Въ виду этого, черезъ день, онъ отправилъ Кохана въ Прагу узнать, благополучно-ли она добѣжала и о ея дальнѣйшихъ намѣреніяхъ, при чемъ приказалъ передать, что она всегда можетъ разсчитывать на его милости и покровительство.

Конечно, послушный фаворитъ поѣхалъ, хотя заранѣе зналъ, какой приѣмъ она окажетъ ему. Онъ не спѣшилъ и, пріѣхавъ въ Прагу, по обыкновенію, остановился у Вуйки, послѣ смерти котораго хозяйствовалъ его сынъ, братъ Зени.

Переодѣвшись въ своей комнатѣ, онъ неохотно пошелъ къ извѣстному ему каменному дому, въ которомъ Христина попрежнему заняла свое помѣщеніе. Хотя она только что прибыла, но ужъ успѣла устроиться такъ, что ей могла бы позавидовать любая королева: все было въ порядкѣ, всѣ слуги на мѣстѣ и весь дворъ заполнялъ сѣни и приемныя комнаты.

Ея маршалъ, къ которому Коханъ долженъ былъ обратиться, пошелъ доложить ей о прибытіи посла. Коханъ ждалъ въ не-

редней его возвращенія. Однако ему было сначала отказано въ пріемѣ; но онъ возразилъ, что не уѣдетъ въ Краковъ отпавленный такимъ позорнымъ образомъ, и потребовалъ обязательнаго пріема. Начался споръ, изъ котораго Коханъ вышелъ побѣдителемъ, и Христина назначила ему время аудіенціи.

Рава ушелъ, и когда вернулся къ назначенному часу, то засталъ весь ея дворъ одѣтымъ въ нарядные костюмы и стоящимъ въ сѣняхъ и боковыхъ комнатахъ, точно выставленный на показъ, а ее — въ большой залѣ, сидящей въ золоченомъ креслѣ, одѣтой по королевски и съ діадемой на головѣ, всю въ брилліантахъ, гордую и величественную, какъ настоящая королева. Она не отказалась отъ своего достоинства и титула, на которые, какъ она вѣрила, имѣла право.

Рокичана едва кивнула ему головой, выслушала его безъ малѣйшаго волненія и затѣмъ равнодушно отвѣтила:

— Скажи своему государю, что Рокичана ничего отъ него не требуетъ, не приметъ отъ него никакихъ милостей, сумѣетъ поддержать свое достоинство и не посрамить его...

Сказавъ, промѣ этого, еще нѣсколько словъ, она сдѣлала знакъ двумъ пажамъ, одѣтымъ въ красные костюмы. нести ея шлейфъ и величественно удалилась въ глубину дома, Женская свита, окружавшая ее, попарно въ порядкѣ и молчаніи ушла вслѣдъ за нею.

Послѣ этого маршалъ Рокичаны пригласилъ Кохана откусать; но послѣ такого пріема королевскій любимецъ не пожелалъ переломить хлѣба въ этомъ домѣ и, гордо поклонившись ему, ушелъ.

Королю было непріятно, что Рокичана называла себя королевой и хотѣла остаться ею до смерти. Онъ предпочиталъ выдать ее замужъ, но сломить ея характеръ, какъ предвидѣлось, было невозможно...

Освободившись такимъ образомъ отъ этой жены, король далъ себѣ слово больше никогда не жениться, не поддаваться обману и не стремиться къ новой счастливой семейной жизни.

Сколько разъ Коханъ ни намекалъ ему подыскать подружку жизни, король презрительно улыбался и заговаривалъ о другихъ вещахъ. Онъ даже избѣгалъ встрѣчаться съ женщинами.

VI.

Эсеирь.

Король собирался на охоту. Онъ не былъ яримъ охотникомъ и не скучалъ по ней, какъ его предшественники и всѣ современные князья и рыцари, которые какъ будто репетировали въ мирное время на случай войны; но разъ ужъ онъ выѣхалъ съ собаками, соколами, копьемъ, рогатиной и своими стрѣлками и разъ ужъ углубился въ лѣсъ, а собаки затаивали и поднимали звѣря, тогда и у него закипала кровь, и онъ гнался за оленемъ, зубромъ или лосемъ такъ же, какъ и другіе.

Онъ былъ ловокъ въ стрѣльбѣ изъ лука, метаніи копья, выносливъ и неутомимъ; но ему было пріятнѣе сидѣть за столомъ въ кружкѣ друзей, умныхъ людей и по долгу бесѣдовать съ ними, даже простой разговоръ съ какимъ-либо мужичкомъ болѣе нравился ему, чѣмъ охота.

Завистливые рыцари насмѣхались надъ нимъ за такую его любовь и расположеніе къ „ничтожнымъ людямъ“. Но между ними же находились и такіе, которые припоминали имъ, что мужички и кметы помогали его отцу Локтику возвратить свое государство и увѣнчаться короной, а потому любовь эту приписывали его благодарности къ нимъ.

Казиміръ зналъ, что его называютъ холопскимъ королемъ, улыбался и не сердился, хотя въ то время это было оскорбительное названіе.

— Я хочу быть равнымъ для всѣхъ, какъ для крестьянъ, такъ и для мѣщанъ, для военныхъ и для штатскихъ, землевладѣльцевъ и помѣщиковъ. Всѣ для меня хороши, кто живетъ на этой землѣ, работаетъ и орошаетъ ее своимъ потомъ.

И чѣмъ больше паны и рыцари сѣтовали на него, тѣмъ больше онъ выказывалъ свою любовь къ простому народу.

Будучи вообще ласковымъ, онъ умѣлъ быть въ тоже время суровымъ въ особенности для тѣхъ, которые были высокомерны. Онъ не сердился и не волновался, и чаще всего смирялъ тѣхъ, кто шелъ противъ него, въ разрѣзъ его желаній.

Почти въ тотъ моментъ, когда онъ собрался уѣзжать на охоту, надѣлъ кафтанъ, подпоясалъ ножъ и искалъ глазами охотничій рогъ, въ его комнату вошелъ Коханъ съ страшно сияющимъ и веселымъ лицомъ. Король отлично зналъ его и по его улыбкѣ угадывалъ его мысли.

— Что съ тобой?—спросилъ онъ.—Я вижу, ты обрадовался чему-то?

— Я? Нѣтъ!—возразилъ Коханъ, слегка поводя плечами.— Я только хотѣлъ сказать, что Гоздава Збышъ сообщилъ мнѣ довольно странную вещь...

Король, держа рогъ въ рукахъ, не надѣвалъ его черезъ плечо и, смотря на Кохана, ждалъ продолженія.

— Что же тебѣ сказалъ Гоздава?

— Сказалъ, что онъ видѣлъ въ Краковѣ прекрасную Эсеиръ изъ Опочна.

Причемъ онъ посмотрѣлъ на короля, который какъ будто смутился и началъ разсматривать свой охотничій рогъ.

— Вѣрно, ее выдали замужъ, и она съ мужемъ приѣхала въ Краковъ,—замѣтилъ король.

— Нѣтъ, ее выдали... она лишилась своего отца...—продолжалъ Рава.—Но, то странно, что у евреевъ, какъ извѣстно, у женщинъ нѣтъ своей воли и они почти ничего не значатъ, между тѣмъ, она живетъ и дѣйствуетъ самостоятельно... Она переѣхала сюда на жительство.

— Ну, что-жь? У нея есть родственники, которые окажутъ ей покровительство,—сказалъ король, надѣвая шнурокъ отъ рога черезъ плечо, въ чемъ ему помогъ Рава.

— Нѣтъ, она не нуждается въ покровительствѣ, потому что умнѣе ихъ всѣхъ... Въ этомъ собственно и заключается особенность, что они, уважая память Аарона и ея разумъ, позволяютъ ей жить, какъ угодно.

— Что же она?.. выходить замужъ?

— Нѣтъ, объ этомъ не слыхать... Гоздава только сказалъ, что она теперь сдѣлалась еще красивѣе, чѣмъ мы видѣли ее въ Опочнѣ... Хотя она жиловка, но всѣ говорятъ, что они еще не видѣли такой красавицы во всемъ свѣтѣ.

Въ это время на дворѣ затрубили въ рогъ для сбора охотниковъ, и король вышелъ изъ комнаты.

Онъ спросилъ о своихъ собакахъ и этимъ далъ Бохану понять, что Эсеиръ нисколько не интересуется его.

Такой оборотъ дѣла имѣлъ для Рава иное значеніе, чѣмъ для кого-либо другого, ибо прекрасно зналъ короля: онъ не продолжалъ разговора, и Казимиръ, сѣвъ на коня, отправился на охоту.

На третій или на четвертый день, когда Боханъ ужъ мнилъ, что король забылъ объ Эсеири, онъ въ концѣ обѣда спросилъ:

— Ну, что еще новаго слышалъ объ Эсеири? Вѣдь она сильно интересуется тебя?

Это былъ знакъ, что король самъ интересуется ею.

— Ничего не слышалъ, — возразилъ Рава. — Но если надо, то могу узнать!..

— Если *тебѣ* надо... — подчеркнул король, нахмурясь.

На этомъ кончился ихъ разговоръ; но Рава былъ убѣжденъ, что онъ не забылъ о красивой еврейкѣ. Послѣ грустнаго инцидента съ Рокичаной, которая лежала на его совѣсти, онъ боялся предпринимать что-либо новое.

Въ эти дни къ королю пріѣхалъ Левко, арендаторъ величинскихъ промысловъ по соляному дѣлу. Это былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которымъ Казимиръ вполнѣ доверялъ. Доказательствомъ того служило порученіе ему, вмѣстѣ съ Яномъ Елиткой, чеканить монету. Левка не одинъ держалъ соляныя копи, — у него были компаніоны: Друкля, Генцель Бургъ, Арнольдъ Велькеръ и Бартко, принимавшій участіе въ содержаніи монетнаго двора. Онъ былъ честный и умный еврей. Въ былое время соляныя сокровища растаскивали всѣ понемногу и въ нихъ царствовалъ полнѣйшій безпорядокъ. Шляхта, предъявляя какія-то права на соль, вмѣшивалась въ королевское хозяйство, навязывала завѣдующимъ разныя требованія и нападала на нихъ. Въ виду этого, король рѣшилъ завести другой порядокъ и даже запретилъ, подѣ страхомъ смертной казни, посѣщать соляныя промыслы безъ особаго на то позволенія, для чего и назначилъ отдѣльнаго подкоморія для завѣдыванія ими, собиранія доходовъ и самостоятельнаго распоряженія.

Въ настоящее время арендаторы обязаны были содержать тамъ только королевскихъ лошадей, шесть человѣкъ бѣдныхъ въ Величкѣ и шесть — въ Бохніи, которые обязаны были молиться за упокой душъ родителей короля.

Объ установленіи мѣстной власти надъ соляными промыслами король вѣдался только съ однимъ Левкой. Этотъ еврей былъ совсѣмъ иного рода и покроя, чѣмъ Ааронъ. Онъ былъ богатъ и не хотѣлъ выдавать своего расового происхожденія, а потому почти ничѣмъ не отличался отъ христіанъ, даже своей одеждой, имѣлъ постоянное общеніе съ ними и умѣлъ обходиться такъ вѣжливо и мягко, что сохранилъ къ себѣ ихъ уваженіе.

Несмотря на свои пожилыя лѣта, онъ выглядѣлъ молодымъ и бодрымъ. Черты его лица доказывали восточный типъ, черные глаза были подвижны, губы улыбались, а высокій лобъ доказывалъ недюжинный умъ.

Король всегда радушно принималъ его и подолгу бесѣдовалъ о чеканкѣ монеты и о соляныхъ промыслахъ. И на сей разъ онъ долго продержалъ его, спрашивалъ и слушалъ его объясненія. Наконецъ Левка хотѣлъ уже уйти, удовлетворенный и успокоенный словами короля, но Казиміръ остановилъ его въ тотъ моментъ, когда онъ былъ ужъ у дверей.

— Слушай, Левко!—сказалъ онъ.—Въ бытность мою въ Опочнѣ, я, какъ тебѣ извѣстно, остановился въ домѣ твоего родственника Аарона и видѣлъ тамъ его дочку Эсеирь. Мнѣ донесли недавно, что ея отецъ умеръ и она осталась сиротою... Выдаете ее замужъ?

Левко, удивленный этимъ вопросомъ, немного смутился, покачалъ головою, помолчалъ, подумалъ и, повернувшись опять къ королю, отвѣтилъ:

— Много заботъ и хлопотъ она причиняетъ намъ. Отецъ оставилъ ей большое состояніе, но скверно сдѣлалъ, что далъ ей такое воспитаніе, которое совсѣмъ не нужно для женщины. Она образована и это ея образованіе вскружило ей голову... Женщина у насъ должна быть матерью нашихъ дѣтей, смотрѣть за домомъ, кухней и хозяйствомъ... Учиться по книгамъ не ея дѣло; а если которая учится, то это ученіе взбаломучиваетъ ея голову... Такъ случилось и съ Эсеирью. Наши еврейчики ей не по вкусу, она не хочетъ выйти за какого-либо изъ нихъ и намъ чистое горе съ нею... Она пріѣхала въ Краковъ съ своею теткой, бездѣтной вдовой, и вмѣсто того, чтобы взять себѣ мужа, какого мы даемъ она сама не знаетъ,

кого и чего ожидаетъ. Разумѣется, мы не станемъ ее насилловать, а только жаль, она очень красива и къ тому же—умна.

Король выслушалъ его сѣтованіе, не прерывая и смотря на него въ упоръ.

— Что же вы думаете сдѣлать съ нею? — спросилъ онъ.

— Родственники еще ничего не рѣшили, — возразилъ Левко. — Въ концѣ концовъ, какъ наше духовенство, такъ и мы должны будемъ позаботиться выдать ее за кого-либо, — нашъ законъ требуетъ того... Жаль красивой дѣвушки... Все горе въ томъ, что она чересчуръ умна.

Король усмѣхнулся.

— Дѣйствительно, она умна, смѣла и красива, — замѣтилъ онъ.

Левко, при воспоминаніи о красотѣ Эсеири, взглянулъ на короля съ какимъ-то опасеніемъ, но ничего не отвѣтилъ, поклонился и собрался уйти.

— Вы знаете, что я спасъ жизнь этой дѣвушкѣ, — прибавилъ Казиміръ, — а потому судьба ея интересуетъ меня.

Левко поклонился еще ниже, потомъ приподнялъ руки въ знакъ глубокой благодарности и вздохнулъ.

Король милостиво кивнулъ ему головою и Левко ушелъ.

Прошло нѣкоторое время и объ Эсеири въ замкѣ не было никакого разговора. Домъ, въ которомъ она жила, стоялъ въ той улицѣ, по которой король всегда ѣздилъ на охоту.

Однажды утромъ, когда король ѣзжалъ въ Тынецъ, онъ по обыкновенію проѣзжалъ по этой же улицѣ и увидѣлъ на крыльцѣ каменнаго дома какъ будто нарочно поджидавшую его Эсеири. Очевидно, она была предупреждена кѣмъ-либо, такъ какъ всякія приказанія и распоряженія дѣлались королемъ всегда накануне. Это легко было понять по ея роскошному наряду и по тому, что она вышла на улицу.

Казиміръ еще издали устремилъ на нее свой взглядъ и, наконецъ, остановилъ коня. Онъ догадался, что она нарочно вышла встрѣтить его и привѣтствовалъ ее жестомъ и улыбкой.

Эсеири подходила къ нему смѣлыми шагами, во всемъ величій своей красоты, могущество которой она, очевидно, сама сознавала. Она низко поклонилась и, привѣтствуя его, отозвалась, смотря ему прямо въ глаза:

— Я вынуждена была, какъ нищая, поджидать ваше вели-

чество на дорогѣ. И дѣйствительно я нищая, ибо пришла просить покровительства того, кто спасъ мою жизнь. Очень грустно мнѣ жаловаться на тѣхъ, которыхъ обыкновенно должна любить и уважать... Конечно у нихъ нѣтъ злой воли и умысла противъ меня, но дѣлая добро, нужно знать, для кого оно хорошо и для кого нѣтъ...

Она улыбнулась и слегка покраснѣла.

— Меня хотятъ выдать замужъ,—прибавила она, — а я прошу, не принуждать.

— Но вѣдь судьба женщинъ—выходить замужъ, — добродушно возразилъ король, — чтобы имѣть своихъ защитниковъ и покровителей.

Эсфирь вздохнула.

— Совершенно справедливо! Но я не хочу выходить замужъ, и пусть они оставляютъ меня въ покоѣ!.. Покойный отецъ предоставилъ мнѣ свободу и я умоляю ваше величество заступиться за меня передъ Левкой...

Она не спускала глазъ съ короля, который восторженно смотрѣлъ на нее.

— Успокойся,—сказалъ онъ,—я поговорю съ нимъ.

Во время этого краткаго разговора, Казимиръ больше разговаривалъ съ нею глазами, чѣмъ языкомъ. Взглядъ прекрасной дѣвушки, смѣло смотрѣвшей на него, можно было объяснить только однимъ уваженіемъ къ нему; она не избѣгала его глазъ, а какъ будто сама вызывала на то, чтобы онъ смотрѣлъ на нее.

— Я обязана своею жизнью вашему величеству, — закончила она, кладя свою бѣлую руку на грудь, — и хочу быть обязанной вамъ счастіемъ моимъ...

Казимиръ, котораго началъ смущать собиравшійся на улицѣ народъ, далъ шпоры коню и уѣхалъ. Эсфирь, нисколько не смутившаяся тѣмъ, что на нее смотрѣли посторонніе, спокойно сошла съ дороги и удалилась въ дверь каменнаго дома, въ которой ее ожидали старшіе подруги.

Однако, встрѣча эта скоро сдѣлалась извѣстной всему городу и ее объясняли различнымъ образомъ, а такъ какъ почти никто не слыхалъ всего разговора, то составились самыя чудовищныя мнѣнія: всѣ возмущались нахальствомъ жидовки, которая осмѣливалась навязывать себя королю...

Современное настроеніе и свѣжая память о гоненіи евреевъ, обвиняемыхъ въ отравленіи воды и пищевыхъ продуктовъ, въ убійствѣ христіанскихъ дѣтей и употребленіи ихъ крови, въ предразсудкахъ, обрядностяхъ и обычаяхъ, въ презрѣніи, съ какимъ они относились къ христіанскому, выдѣляясь изъ него своими внѣшними качествами—все это являлось чѣмъ то необыкновеннымъ, что въ особенности, возбуждало противъ нихъ духовенство.

Ко всему этому прибавилась лишняя сплетня. И безъ того ужъ Казимира упрекали въ любви къ мужикамъ, въ особенномъ благоволеніи къ пришлецамъ-поселенцамъ, въ покровительствѣ отдѣльнымъ лицамъ, въ отдачѣ соляныхъ промысловъ и монеты въ руки евреевъ, въ освобожденіи нѣсколькихъ изъ нихъ отъ нападенія толпы. И вдругъ теперь такой ласковый разговоръ съ жишовочкой!.. Разумѣется все это возбуждало неудовольствіе тѣхъ, которые искали разныхъ предлоговъ почесать свои языки.

Духовенство какъ будто предчувствовало, что скоро дѣло дойдетъ до того, что король возьметъ себѣ въ любовницы еврейку въ униженіе христіанъ и позоръ своей короны. Правда, не было второго Барычки, который пошелъ бы къ королю поставить ему на видъ такое зло при всемъ честномъ народѣ, но во всѣхъ углахъ говорили о томъ почти во всеуслышаніе, и разговоры эти доходили до слуха короля. Но, выслушивая каждое донесеніе, онъ только презрительно пожималъ плечами.

Быть можетъ Казимиръ сталъ бы избѣгать встрѣчи съ красавицей еврейкой, если-бъ ему не доносили о возмущеніи; но въ виду этого, онъ нарочно хотѣлъ доказать, что онъ воленъ поступать въ своей частной жизни какъ ему заблагоразсудится, а потому однажды, уѣзжая утромъ на охоту, онъ приказалъ остановиться у дома Эсѣири и вызвать ее.

Когда она вышла къ нему съ полупричесанными волосами, прикрытыми платочкомъ, онъ громко сказалъ:

— Я говорилъ съ Левкой и надѣюсь, что онъ долженъ исполнить мою волю. Но я не стану задерживать васъ на улицѣ въ вашемъ утреннемъ туалетѣ и вечеромъ, возвращаясь съ охоты, зайду къ вамъ. Ждите меня, и тогда я расскажу вамъ все подробно.

Бѣлое лицо Эсѣири покрылось румянцемъ и глаза заблестѣли, она сложила руки на груди, низко поклонилась и возразила дрожащимъ, но счастливымъ голосомъ:

— Ваша слуга и рабыня почтетъ за величайшее счастье дожидаться той милости, которой всѣ позавидуютъ. Да будетъ благословеніе единого Бога надъ вами!

Король уѣхалъ.

Добекъ и Коханъ, находившіеся съ нимъ, переглянулись. Рава отнюдь не сомнѣвался, что изъ такихъ теплыхъ отношений должно что либо произойти. Красота еврейки, ея смѣлость и влеченіе короля къ любви безусловно предсказывали это.

«Но вѣдь она жидовка!—думалъ Коханъ.—Что скажутъ люди и духовенство? Что подумаютъ враги короля и какой выводъ они сдѣлаютъ изъ этого?!»

Казиміръ весь день былъ въ хорошемъ расположеніи духа и хотя не вспоминалъ объ Эсѣири, но каждый предугадывалъ, что ему будетъ очень пріятно сближеніе съ нею. Давно ужъ его не видали такимъ бодрымъ, веселымъ и помолодѣвшимъ.

Охота не долго продолжалась. Король такъ рассчиталъ время, чтобы въ сумерки быть въ городѣ и потому, давъ сигналъ возвращаться домой, пустилъ свою лошадь рысью. Коханъ и Добка опять переглянулись.

И въ самомъ дѣлѣ, едва настали сумерки, какъ король слѣзъ съ коня у дома жидовочки, въ дверяхъ котораго его ужъ ожидала нарядная красавица. Онъ приказалъ двору ѣхать въ замокъ, а Кохану остаться при немъ.

Послѣдній былъ опытнымъ придворнымъ; онъ не пошелъ за государемъ въ комнаты, въ которыхъ былъ приготовленъ пріемъ, и остался въ передней.

Гостиная была убрана такъ же, какъ въ Опочнѣ, только освѣщенная и переполненная цвѣтами. Посерединѣ ея, подъ мѣдной люстрой съ множествомъ свѣчей, стоялъ столъ, накрытый и сервированный золоченымъ серебромъ. У стола стояло кресло, покрытое парчею. Эсѣиръ, вся въ шелку, кружевахъ и брилліантахъ, раздушенная восточными духами, гордая и счастливая, вела къ нему короля; она нисколько, какъ казалось, не обращала на то вниманія, что скажутъ люди о вечернемъ посѣщеніи ея монархомъ. Послѣднему тоже было пріятно это

приключеніе, и ни одна тучка не омрачила его мужественнаго лица. Онъ осмотрѣлся по гостинной и съ изумленіемъ замѣтилъ, что въ ней никого не было, кромѣ старой жидовки, почтительно стоявшей вдали у дверей.

— Я нахожусь въ трехъ шагахъ отъ замка, — отозвался король, смотря на красиво заставленный столъ яствами, — и для меня не нужно было ставить столько приборовъ и яствъ.

Эсѣирь, наливая ему своей бѣлой ручкой вино, заглядывала ему въ глаза и, улыбаясь, обнаруживала свои бѣлые зубки.

— Я не могла не воспользоваться счастьемъ и не угостить моего государя и повелителя въ томъ домѣ, который навѣки сохранить память о немъ? — возразила она, улыбаясь съ обольстительностью ребенка.

Король приподнялъ бокалъ.

— Только бы пилось да ѣлось! — произнесъ онъ. — Садись и сама къ столу со мной...

— Я? я?! — воскликнула Эсѣирь съ выраженіемъ изумленія и радости на лицѣ, отступая назадъ и складывая руки на груди. — Я? ничтожная рабыня?! О, государь! я не смѣю сѣсть, ибо мое мѣсто у ногъ твоихъ.

Она сказала это съ такою искренностью, съ такимъ чувствомъ, дрожаніемъ голоса и взглядомъ, что король сразу сдѣлался серьезнымъ, какъ будто имъ овладѣла какая-то моментальная робость: онъ испугался самого себя и той опасности, которая ему грозила, въ видѣ искушенія. А послѣднее было велико, и онъ не могъ устоять противъ красоты дѣвушки.

Но онъ постарался обратить это въ шутку.

— Ты черезчуръ радушно принимаешь меня, прекрасная Эсѣирь, — шепнулъ онъ, поднося бокалъ къ губамъ. — Я и въ замкѣ не нашелъ бы такого ужина, а главное такихъ блестящихъ брилліантами глазокъ... Помни, что если ты станешь такъ хорошо принимать и угощать меня, то мнѣ, пожалуй, вздумается еще разъ навѣстить тебя, я затоскую и... тогда что?

Евреечка внимательно слушала короля; но на ея лицѣ не проявилось ни смущенія, ни стыда отъ такой его угрозы.

— Ваше величество! — отвѣтила она, подумавъ, — вы у каждаго изъ своихъ вѣрноподданныхъ, во всемъ государствѣ, можете

быть какъ у себя дома, а что же сказать мнѣ о себѣ, жизнь которой принадлежитъ вамъ?

— А если бѣ король пожелалъ часто гостить у тебя?.. Что бы тогда сказали люди про тебя и про меня?

— Никто не посмѣетъ сказать ничего несообразнаго, потому что король стоитъ выше всякихъ пересудовъ,—отвѣтила она, выслушавъ его съ тою же внимательностью,—а что касается меня, то этимъ я могла бы только гордиться.

— А если бы злые языки назвали тебя моею любовницею?—спросилъ король, краснѣя, и понижывая ее своимъ взглядомъ.

Эсѣиръ выдержала его и не опустила глазъ: напротивъ, она смѣло смотрѣла на него, точно хотѣла отвѣтить ими.

— А развѣ это было бы не счастьемъ и не гордостью для меня—дать возможность хоть на минуту забыться тому человѣку, которому я обязана своей жизнью? Но этого не можетъ быть, ваше величество! Никогда христіанскій государь не снизойдетъ къ любви дочери того народа, который приговоренъ къ презрѣнію...

Взволнованный ея рѣчью, король схватилъ ея руку и воскликнулъ:

— Слушай, Эсѣиръ! Если-бъ ты только пожелала...

Онъ не досказалъ.

— Могу ли я отказаться отъ такого счастья?—смѣло возразила жидовочка.—Я обязана съ радостью исполнить то, что прикажетъ король, ибо я—его рабыня, но ты, государь, самъ не пожелаешь сдѣлать того, что тебя можетъ унижить, а меня сдѣлать несчастной. Да, ваше величество, я была бы очень счастливой, а въ тоже время и самой несчастной, такъ какъ скоро лишилась бы твоихъ милостей... Я была въ рукахъ твоихъ тою игрушкой, которую ты всегда можешь бросить на землю и которую люди стали бы попирать ногами...

Король опустилъ глаза, какъ бы пристыженный.

— Послушай, Эсѣиръ!—отозвался онъ медленно и грустно.—Правда, я бывалъ въ своей жизни опрометчивымъ, любилъ и бросалъ... но никогда не встрѣчалъ ни такой красоты, ни ума, ни сердца, какъ твои... Если-бъ ты пожелала быть моею, то и осталась бы ею навсегда... Я не сталъ бы связывать тебя

никакой клятвой, кромѣ своего королевскаго слова... Поэтому, можешь ли ты опасаться быть оставленной... ты?!

Въ первый разъ вѣки Эсеири опустили на ея черные глаза, лицо дрогнуло и уста зашевелились, но она не могла отвѣтить, какъ будто у нея неоставало силъ. Однако, черезъ минуту она опять взглянула на короля отуманившимся взоромъ.

— Ваше величество! — отозвалась она тихо. — Не дѣлайте для себя игрушки изъ своей рабыни... Вы пошутили надомной и этого достаточно... дальше ничего не можетъ быть.

Король всталъ и, увлекшись разговоромъ, воскликнулъ:

— Клянусь моею короной — я не шутилъ!

При этомъ онъ приблизился къ ней, поцѣловалъ въ лобъ и съ жаромъ прибавилъ:

— Жди меня завтра, Эсеири: я приду одинъ, такъ чтобы никто меня не видалъ и не зналъ, что я буду у тебя.

Дѣвушка взглянула на него широко раскрытыми глазами.

— Для меня, — сказала она спокойно, — пусть видитъ хоть весь свѣтъ, — я своего счастья не постыжусь, а напротивъ, буду гордиться имъ, ибо надѣюсь, что король мой и повелитель не оттолкнетъ меня и не отдастъ на поруганіе людей.

Казимиръ постоялъ минуту, подумалъ и, взволнованный, подалъ ей руку.

— Только ты будь мнѣ вѣрной, а я всегда останусь такимъ, какимъ ты видишь меня сегодня. Ты уладишь мою жизнь.

Говоря это, имъ овладѣли воспоминанія о прошломъ, и онъ молча двинулся къ дверямъ.

Эсеири, проводя короля, поцѣловала его руку и, увидѣвъ Кохана, который ожидалъ въ передней и притворился соннымъ, попятилась назадъ.

Рава, подслушивая ихъ разговоръ, понялъ, что въ его посредничествѣ здѣсь не предстоитъ надобности. Этотъ капризъ короля показался ему однимъ изъ тѣхъ, которые онъ неоднократно видалъ и зналъ по опыту, что онъ будетъ непродолжителенъ. Еврейское происхожденіе Эсеири дѣлало неправдоподобнымъ, чтобы она могла привязать къ себѣ короля крѣпче, чѣмъ онъ могъ быть привязанъ къ другимъ. Правда, она превосходила всѣхъ своихъ предметницъ красотою, но увлеченіе короля скоро проходило, и Рава не рассчитывалъ ни

на красоту, ни на умъ, ни на тактичность еврейки, чтобы она удержала его.

Между тѣмъ Казимиръ, противъ обыкновенія, ничего не сказалъ Кохану, а послѣдній — не посмѣлъ спросить.

Прошло нѣсколько дней. По городу заходили слухи, что у короля ужъ была новая любовница... жидовка. Легко можно было предвидѣть, съ какимъ возмущеніемъ отнеслось къ этому духовенство. Слухи ужъ были доказаны и несомнѣнны: всѣ заговорили о нихъ, хотя они пока и оставались только слухами и мѣстными сплетнями, которымъ не особенно вѣрили.

Тѣмъ не менѣе, они съ каждымъ днемъ росли, разсѣваясь по городу и обогащаясь справедливыми или измышленными подробностями. Старшины двора, близко стоявшіе къ королю, сильно обезпокоились. Къ нимъ ужъ начали приставать, чтобы они повліяли на Казимира порвать унижительную связь съ жидовкой. Но ближе знавшіе его только пожимали плечами, и никто не рѣшался заговорить съ нимъ по этому поводу, зная отлично, что онъ никому не позволитъ вмѣшиваться въ его частную жизнь.

Ксендзъ Суховилькъ, узнавъ о таковыхъ отношеніяхъ, пошелъ къ Вѣржинку, который, однако же, стоя ближе другихъ къ королю, какъ его подскарбій, казначей и совѣтникъ, ничего не зналъ о томъ. Онъ настолько былъ преданъ и снисходителенъ къ своему государю, что находилъ все хорошо, что бы ни сдѣлалъ король, и не могъ ни въ чемъ упрекнуть его.

— Поговорите съ нимъ, — отозвался о. Суховилькъ. — У него много враговъ, а онъ еще больше пріобрѣтаетъ ихъ. Духовенство смотрѣло сквозь пальцы на многія его слабости, но это — унижительно.

Вѣржинокъ черезчуръ хорошо зналъ Казимира и не вѣрилъ, чтобы чье-либо посредничество могло подѣйствовать на него.

— Послушайте меня, отецъ, — отвѣтилъ онъ тихо, качая головой. — Я ничего не знаю и не вѣрю сплетнямъ, потому что ужъ привыкъ ко всякой клеветѣ; но если это и правда, то мы не только не уговоримъ его, а наоборотъ — возстановимъ противъ себя... Онъ ничего не сдѣлаетъ для устраненія сплетенъ... Есть другое средство...

— Какое?

— Я знаю этихъ жидовъ... Хотя они должны гордиться,

что король удостоилъ избрать себѣ изъ ихъ крови возлюбленную, но они навѣрное возмутятся больше, чѣмъ тѣ, кто кричить и срамить короля. Достаточно поговорить съ Левкой, чтобы узнать всю правду... Быть можетъ, еще можно будетъ предотвратить... Я съѣзжу въ Величку.

Въ тотъ же день вечеромъ Вѣржинокъ былъ у Левки. Онъ засталъ еврея, по обыкновенію, за счетами и началъ съ нимъ разговоръ относительно солянаго склада въ Браковѣ. Онъ не замѣтилъ ни на его лицѣ, ни въ его обходительности никакой перемены или беспокойства...

Левко всегда охотно принималъ краковского гостя и заискивалъ въ немъ, хотя и самъ крѣпко стоялъ въ мнѣніи короля; но его вліяніе было больше тѣхъ милостей, которыми онъ пользовался.

Уже позднимъ временемъ, когда они остались вдвоемъ, Вѣржинокъ фамиллярно спросилъ его:

— Не дошелъ ли до васъ какой-либо слухъ объ Эсеири?

— Объ Эсеири?—спросилъ онъ, внимательно глядя на него.—Другой такой свободомыслящей женщины нѣтъ во всемъ Израилѣ, и дай Богъ, чтобы такихъ и ей подобныхъ никогда не было! Лучше не вспоминайте о ней, потому что она—горе нашихъ дней и печаль всего нашего рода...

Вѣржинокъ помолчалъ немного, а потомъ медленно сказалъ:

— Въ городѣ говорятъ, что она будто-бы сдѣлалась любовницей короля.

Левко вскочилъ, какъ ужаленный, и заломилъ руки: онъ былъ пораженъ и не могъ открыть своего рта; глаза его сверкали и онъ глубоко призадумался, точно не довѣряя ему.

— Не можетъ быть!—наконецъ вскричалъ онъ, помолчавъ.—Я готовъ отдать свою жизнь за нашего короля, но... онъ не пожелаетъ того, и самъ не согласится. Правда, она смѣла, но горда, и все про нее можно сказать, только на это.

— Я тоже не вѣрю, хотя всѣ говорятъ... Однако, должно быть, есть какой-либо поводъ для этой сплетни.

— Но вѣдь вы знаете, что король спасъ ей жизнь и всегда помнилъ о ней...—задумчиво произнесъ Левко.—Онъ недавно еще спрашивалъ меня о ней...

Это воспоминаніе вызвало на его лобъ морщины и онъ омрачился.

— Да, онъ вспомнилъ о ней!—прибавилъ онъ тише и съ беспокойствомъ заходилъ по комнатѣ.—Но, я не вѣрю... Завтра поѣду къ ней и узнаю всю правду!.. Дѣвушка не солжетъ...

— А если въ этомъ есть доля правды,—отозвался Вѣржинокъ,—то что вы намѣрены дѣлать?

Еврей скрестилъ руки на груди и молча остановился передъ Вѣржинокъ.

— Если это правда...—произнесъ онъ и замолчалъ.

Въ немъ замѣтно проявилась внутренняя борьба; румянецъ окрасилъ его лицо и исчезъ, а изъ груди вырвался глубокий вздохъ.

Напрасно Вѣржинокъ ждалъ продолженія словъ, но еврей не спѣшилъ и призадумался. Наконецъ онъ пришелъ въ себя, остановился передъ гостемъ и съ грустной улыбкой прибавилъ:

— Трудно отвѣтить на вашъ вопросъ... Вы знаете, что значитъ быть жидомъ, изгнанникомъ? Вы помните ту рѣзню и гоненіе, которыя постигли насъ недавно по всему свѣту?.. Быть можетъ намъ пришлось бы слезами омыть срамъ, если-бъ...

Онъ вдругъ прервалъ и быстро взглянулъ на Вѣржинка.

— Я лично проклялъ бы эту дѣвушку... Но если она желаетъ явиться новою Эсфирью и расположить короля для всего нашего племени, то я же первый не колебался бы принести ее въ жертву за нашъ народъ!..

Вѣржинокъ молчалъ.

— Это было-бы величайшее несчастье, а въ то же время и счастье... У этой дѣвушки больше ума, чѣмъ нужно для женщины... Быть можетъ, онъ и пригодился бы... Она прекрасна, молода и король могъ бы привязаться къ ней...

Левко опять остановился и вытеръ наворачнувшіяся слезы.

— Да, женщина все можетъ сдѣлать,—продолжалъ онъ, какъ будто про себя,—и кто знаетъ? Мнѣ было бы больно, но вы сами знаете, что люди умирали за идею... за народъ... Почему же тогда и женщины не пожертвовать тѣмъ, что для нея дороже всего на свѣтѣ?.. Если ничего не случилось, то и пусть не случается, я ее самъ увезу и запру на замокъ... Ну, а если случилось, то скажу: будь же Эсфирью для всего нашего народа, и мы простимъ тебя за твое преступленіе.

Вѣржинокъ не могъ ничего отвѣтить.

На слѣдующее утро оба уѣхали въ Краковъ. Левко велѣлъ своему кучеру остановиться у крыльца дома Эсєири. Онъ ни къ кому не хотѣлъ обращаться за совѣтомъ, прежде чѣмъ не повидается и не переговорить съ нею. Онъ принялъ на себя торжественную роль опекуна и судьи.

Эсєирь, которая должно быть увидѣла въ окно, какъ онъ подъѣхалъ, вышла ему навстрѣчу. Ничто въ ней не доказывало ни униженія, ни волненія, ни страха при видѣ человѣка, который шелъ къ ней грозно и молча. Онъ засталъ ее старательно одѣтой, съ сіяющимъ, горделивымъ и веселымъ лицомъ.

Она холодно привѣтствовала его, точно была приготовлена для непріятной бесѣды съ нимъ.

— Эсєирь! — началъ Левко не своимъ голосомъ, войдя въ комнату, хотя зналъ ее съ дѣтства и всегда разговаривалъ съ нею иначе. — Я прибылъ къ тебѣ не какъ Левко, твой родственникъ и опекунъ, а какъ судья и одинъ изъ старшинъ нашего народа... Говори мнѣ правду.

— Никогда я не оскверняла моихъ устъ ложью... поэтому спрашивай, — спокойно отвѣтила она.

— Правда ли, что говорятъ въ городѣ о тебѣ и о королѣ? — произнесъ онъ, не спуская съ нея своего взгляда.

— А что говорятъ? — холодно спросила она.

— Тебя называютъ его любовницей...

Онъ еще пристальнѣе уставился на нее глазами. Она не смутилась. Оба молчали. Эсєирь какъ будто подбирала слова для рѣшительнаго отвѣта.

— Король спасъ мою жизнь, — медленно отвѣтила она, — а слѣдовательно, я и моя жизнь принадлежать ему...

Левко простоналъ.

— Значить, ты признаешься?

— Король полюбилъ меня, а онъ можетъ сдѣлать много для нашего народа. Я имѣла удовольствіе пожертвовать для него...

Она опустила голову и распростерла руки:

— Не отрицаюсь и горжусь этимъ!..

Левко плюнулъ въ сторону и отступилъ назадъ. Онъ обуздывалъ себя и сдерживался, чтобъ не разразиться проклятіями. Эсєирь смотрѣла на него съ спокойною гордостью.

Еврей, отойдя отъ нея, грузно упалъ въ кресло и закрылъ

глаза руками... Онъ оплакивалъ стыдъ своей крови, но ничего не сказалъ.

Эсѣиръ подошла къ нему.

— Успокойся, Леви! — сказала она. — Если я провинилась, то этотъ позоръ падаетъ лично на меня. Но я не перестала быть дочерью Израиля, а отнять меня у него вы не можете, ибо должны будете бояться его мести. Не плюйте на женщину, которая рѣшилась взять подъ свое покровительство весь свой народъ!

Левко молчалъ, продолжая закрывать глаза своими бѣлыми костлявыми руками.

Наконецъ онъ побѣдиль себя, открылъ глаза и всталъ.

— Я не проклинаю тебя и Господь тебѣ судья! — сказалъ онъ. — Но ты держишь теперь королевское сердце въ своихъ рукахъ и потому не бросай его... Ни одна женщина до настоящаго времени не могла привязать къ себѣ короля... Но ты привязала его и не отпускай... Этимъ ты можешь снискать наше прощенье...

— Прощенье? — гордо переспросила дѣвушка. — Вы должны не прощать, а благодарить меня!

Левко опустилъ голову: онъ былъ покорень и суровое выраженіе лица постепенно смягчилось. Очевидно этотъ еврей былъ расчетливъ и хотѣлъ извлечь побольше пользы изъ самопожертвованія еврейки.

Эсѣиръ слѣдила за измѣненіемъ его лица, будучи вполне увѣренной, что оно произойдетъ.

— Тебя полюбилъ король, — отозвался онъ, — и стало быть — свершилось! Кто знаетъ, что изъ этого произойдетъ? Постарайся же, чтобы онъ горячо любилъ тебя... будь для него всею, чтобы онъ нашелъ въ тебѣ то, чего искалъ всю свою жизнь. А если онъ покинетъ тебя...

— Не покинетъ! — воскликнула она, — перебивая. — Прежнія, съ которыми онъ жилъ, не любили его такъ, какъ я люблю его... Онъ чувствуетъ, что обладаетъ всею моимъ сердцемъ... Тѣ любили его ради королевства, ради величія и богатства, а я люблю его какъ человѣка, а не короля... А такъ какъ онъ король, то на моей обязанности будетъ лежать снискать его расположеніе на общую пользу моего народа...

Левко слушалъ ее, склонивъ голову. Онъ чувствовалъ, что

эта дѣвушка полюбила короля не столько своею красотою, сколько умомъ, который чувствовался въ каждомъ ея словѣ.

Въ виду этого, ему ничего не оставалось дѣлать, какъ только надѣть на плечи свой плащъ и удалиться; но Эсеиръ остановила его на минуту.

— Слушай, Левко!—сказала она.—Многіе изъ нашихъ стучались въ мою дверь, желая видѣть меня; но я никому не отворила ихъ, кромѣ тебя. Ты умный человѣкъ. Держи мою сторону и пусть они не проклинаютъ и не отталкиваютъ меня... Скажи имъ, что всѣ старанія ихъ отнять меня у короля ни къ чему не поведутъ... Не заставляйте меня порвать тѣ узы, которыя связываютъ меня съ вами и не гоните отъ себя...

Левко выслушалъ ее съ опущенной головой, кивнулъ ей, какъ будто ему трудно было сказать слово, и молча ушелъ. Выйдя на крыльцо, онъ постоялъ въ нерѣшительности, куда ему идти: къ своимъ или Вѣржинокъ и, наконецъ, поворотилъ въ ту сторону, гдѣ жилъ краковскій раввинъ.

Вѣржинокъ, занявшись своими обыденными дѣлами и торговлей, прождалъ Левку до вечера, и когда онъ пришелъ, то сейчасъ по лицу его замѣтилъ, что, должно быть, слухи были правильны и оправдались на дѣлѣ.

Но онъ не спрашивалъ его, а послѣднему было тяжело и стыдно сказать слово. Они долго сидѣли, перекидываясь фразами о постороннихъ вещахъ; одинъ ждалъ вопроса, а другой не смѣлъ разспрашивать, въ ожиданіи, что тотъ самъ скажетъ.

Они смотрѣли другъ на друга. Наконецъ, Левко приподнялъ одну руку, быстро опустилъ ее на другую и вздохнулъ.

— Значить—правда?—отозвался Вѣржинокъ.

Жидъ молча кивнулъ головой.

— Если такъ,—продолжалъ хозяинъ,—то уже вы старайтесь не раздражать короля напраснымъ упрямствомъ: ничего не предпринимайте и не упрекайте. Этимъ вы лично и всѣ ваши приобрѣтете его милости и большое расположеніе...

— Только вы не принуждайте меня нѣкоторое время являться къ нему,—возразилъ Левко,—чтобы онъ не замѣтилъ по моему лицу той раны, которую онъ нанесъ намъ. Конечно, мы не можемъ ни сопротивляться, ни упрекать... Мы?! Да мы должны за этотъ срамъ цѣловать даже полы его платья!

И Левко иронически улыбнулся.

— Да, свершилось!—закончилъ онъ.

На слѣдующій день о. Суховилькъ пришелъ къ Вѣржинокъ. Онъ уже успѣлъ убѣдиться изъ придворныхъ разговоровъ, что слухи эти были не ложны и пришелъ только за подтвержденіемъ.

Вѣржинокъ поджидалъ его и приготовился.

— Итакъ, значить правда, что говорить?—спросилъ Суховилькъ.

— Хотя и правда,—возразилъ хозяинъ,—но намъ, вѣрнымъ слугамъ, не подобаетъ знать того, о чемъ онъ самъ не говоритъ и даже скрываетъ отъ насъ. Пока король не прикажетъ мнѣ уплатить ей жалованья и не признастъ своей, я на все закрываю глаза.

— Но я не могу ихъ закрыть! Люди упрекаютъ меня, что я черезчуръ снисходителенъ къ нему... а что же теперь скажутъ, если я промолчу?

— Отвѣйте, что вы не имѣете права вмѣшиваться въ его частную жизнь, ибо не духовникъ...

— Нѣтъ! этого нельзя!—воскликнулъ о. Суховилькъ.—Хоть не духовникъ, но близко стою къ его особѣ, и пусть онъ хоть разсердится на меня, а я выскажу ему все, что у меня на сердцѣ!

— Ничего не поможетъ!—разсмѣялся Вѣржинокъ.—Этимъ вы еще больше возбудите его упрямство. Не слѣдуетъ придавать большого значенія этому пустяку.

— Вы называете это пустякомъ?!—воскликнулъ съ возмущеніемъ о. Суховилькъ.—Кто знаетъ, какое вліяніе она будетъ имѣть надъ нимъ!.. Всѣ говорятъ, что она умна.

— Да, никто худо не отзывался о ней.

— Вы защищаете его?

— Во всякомъ случаѣ и осуждать не стану.

Оба замолчали.

Вѣржинокъ хотѣлъ умаслить ксендза своимъ гостепріимствомъ, но послѣдній попрощался съ нимъ съ очевиднымъ неудовольствіемъ и озабоченностью.

Вечеромъ, когда король сѣлъ за столъ въ тѣсномъ кружкѣ своихъ приближенныхъ, очъ указалъ мѣсто о. Суховильку подлѣ себя; далѣе сѣли Вацлавъ изъ Тенчина, молодой Мельштинскій и другіе ежедневные собесѣдники.

Рѣдко кто видѣлъ его съ такимъ веселымъ, сіяющимъ и заставляющимъ раздѣлять его радость лицомъ. Онъ обратилъ вниманіе на сухость и мрачность ксендза, къ которому неоднократно обращался съ вопросами.

Ужинъ затянулся, и когда король, наконецъ, всталъ изъ-за стола и дворъ проводилъ его до дверей опочивальни, о. Суховильскъ вошелъ за нимъ.

Это былъ знакъ, чтобы всѣ удалились отъ дверей.

— Можетъ быть, я не своевременно являюсь къ вамъ, — сказалъ о. Суховильскъ, вошедши за нимъ, — но моя привязанность къ вашему величеству не позволяетъ мнѣ больше молчать.

Король Казиміръ быстро повернулся къ нему.

— Вы не можете упрекнуть меня, чтобы я когда-либо вмѣшивался въ тѣ дѣла, къ которымъ вы не призывали меня... но сегодня...

— Пожалуйста, говорите, — прервалъ король.

— Въ городѣ распространились унизительныя для васъ слухи, — началъ свою рѣчь о. Суховильскъ, — которые имѣютъ нѣкоторое основаніе... Возможно ли это, милостивый король? — Эта Эсеирь...

— Что же Эсеирь? — подхватилъ король. — Что она живетъ у меня въ замкѣ, или я дѣлаю ее королевой?.. Развѣ королю нельзя быть человѣкомъ?..

— Но ваши враги...

Король расхохотался.

— Я думаю, — сказалъ онъ, — что больше этой чести я не могу имъ оказать... я далъ имъ въ руки настоящее оружіе противъ меня!

— Но ея происхожденіе...

— Нисколько не помѣшало ей быть прекраснѣйшей женщиной, — возразилъ Казиміръ. — Да, я слабъ и не скрываю моихъ слабостей и прегрѣшеній... Что касается людей, то они могутъ бросать въ меня камнями... я ужъ привыкъ къ этому...

Ксендзъ молча стоялъ передъ нимъ и умолялъ глазами. Король подошелъ къ нему и обнялъ.

— Отецъ! — сказалъ онъ, — предоставьте эти наставленія моему духовнику... прошу васъ...

Суховильскъ вздохнулъ и, не сказавъ больше ни слова, оставилъ окончательно короля.

Казиміръ позвалъ Кохона, приказалъ подать плащъ и идти за нимъ, не говоря, куда онъ пойдётъ.

Было ужъ поздно; тѣмъ не менѣе, чрезъ щели запертыхъ ставней, въ домъ Эсеири былъ видѣнъ свѣтъ. Прекрасная хозяйка въ богатомъ нарядѣ, которые она любила, давно ужъ поджидала короля. Для него ужъ были, какъ и всегда, приготовлены любимыя имъ лакомства и напитки, и даже комнаты окурены и надушены тѣми запахами, которые были пріятны ему. Эсеиръ инстинктивно чувствовалъ своимъ молодымъ сердцемъ, что можетъ нравиться ея возлюбленному, а потому старалась угодить ему въ самыхъ мельчайшихъ подробностяхъ, и усладить тѣ минуты, которыя онъ проводилъ у нея. Ея нарядъ всегда согласовался съ его вкусомъ, какимъ либо замѣчаніемъ или словомъ, сказаннымъ вскользь, или прямымъ совѣтомъ.

Для Казиміра она и безъ того была красавицей, но онъ съ удовольствіемъ наряжалъ ее, восхищаясь тѣми прелестями, которыя представлялись ему всегда иначе.

Какъ столъ былъ заставленъ подобранными по вкусу блюдами, точно также она подбирала и слова своего разговора, который бы не утомлялъ его слуха, а служилъ развлеченіемъ и забавой. Эсеиръ читала много восточныхъ сочиненій, изъ которыхъ рассказывала различные анекдоты и легенды. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ обнаруживались мысли, хотя и безцѣльно высказанныя, но заставившія призадумываться.

Хотя, по временамъ ея сердце сжималось отъ какихъ-либо непріятностей, но всегда старалась быть веселой, принуждала себя улыбаться, не хмурила чела и—главное—ничего для себя не просила. Это былъ лучшій способъ достигнуть всего, чего она желала. Казиміръ не любилъ нищенскаго выпрашиванія, а молчаніе возбуждало въ немъ желаніе самому угадывать ея мысли и требованія.

Такимъ образомъ, Эсеиръ, горячо благодаря короля за самый пустяшный подарокъ, получила больше въ нѣсколько дней, чѣмъ другіе за нѣсколько лѣтъ. Всякія драгоценности, шелковые ткани, жемчуги, красныя сукна, серебряная и золотая посуда—все переходило и переносилось въ ея домъ.

Эсеирь съ благоговѣніемъ надѣвала его подарки, ставила ихъ на столъ или въ поставцы, и каждый разъ съ радостью преклонялась къ его ногамъ благодарить за нихъ. Эта чародѣйка обладала даромъ привязывать къ себѣ, приказывать своимъ послушаніемъ и располагать доказательствами своей любви, и король никогда въ жизни не чувствовалъ ни къ одной женщинѣ такого расположенія, какъ къ ней. Правда, онъ стыдился этой связи, упрекалъ себя, но не могъ отрѣшиться, а напротивъ она все болѣе овладѣвала имъ, такъ что даже Коханъ, расчитывавшій на непрочность этой связи, скоро убѣдился, что онъ жестоко ошибся.

Въ этотъ вечеръ Эсеирь, встрѣчая короля съ обыкновеннымъ выраженіемъ покорности, радости и веселья на лицѣ, не могла, однако же, скрыть какого-то безпокойства. Король замѣтилъ это, когда она сѣла подлѣ него за столъ и взглянула на него какими-то озабоченными глазами.

— Что съ тобой?—спросилъ онъ.

— Ничего... Я такъ же счастлива, какъ и всегда...—быстро отвѣтила она, наливъ кубокъ вина и подавая ему своей бѣлой ручкой.—Не обращай на меня вниманія, государь, отдыхай и забудь хоть на время о твоей тяжелой коронѣ... На что я твоя рабыня, чтобы служить тебѣ, дать возможность оторваться хоть на одинъ часъ отъ твоего всѣдневнаго труда и усладить его...

— Никогда въ жизни я не испытывалъ такихъ пріятныхъ минутъ, какія испытываю у тебя,—отвѣтилъ король,—и хотя люди стараются отравить ихъ изъ зависти...

Король не кончилъ и, принявъ кубокъ отъ Эсеири, поцѣловалъ ее.

— Однако, ты сегодня грустна...—прибавилъ онъ.

— У меня нѣтъ никакой причины грустить и я была бы очень рада никогда не сообщать моему государю ничего печальнаго, но сегодня вынуждена сказать...

Говоря это, она встала, лицо ея сдѣлалось серьезнымъ и брови слегка сдвинулись. Король посмотрѣлъ на нее съ безпокойствомъ—и наконецъ спросилъ:

— Неужели кто-нибудь осмѣлится сдѣлать тебѣ какую-либо непріятность?

— Нѣтъ! — возразила она усмѣхаясь. — Да я бы и не пожаловалась на это... При моемъ счастіи, ничего не значитъ какая-либо ничтожная болячка или непріятность и было бы величайшею несправедливостью жаловаться на это.

— Въ такомъ случаѣ — что же? — настаивалъ король.

Эсѣиръ сѣла. Она медленно и тихо начала говорить, обдумывая каждое слово и наблюдая за Казиміромъ, какое слова ея производятъ на него впечатлѣніе.

— Нашъ народъ, ваше величество, разбѣянъ повсюду. Въ твоёмъ государствѣ нѣтъ пяди земли, гдѣ бы не было моихъ братьевъ. Такіе, какъ мы, люди, гонимые всѣми, чтобы защититься отъ нападеній, вынуждены спланиваться и идти рука объ руку... А потому мы и знаемъ отъ нашихъ, гдѣ и что дѣлается скорѣе, чѣмъ вы отъ вашихъ чиновниковъ, которые обязаны доносить вамъ обо всемъ.

Король слушалъ, не понимая въ чемъ дѣло.

— Ваше величество! — продолжала она, подвигаясь ближе къ королю. — Вы наградили Мацьку Борковича всякими пожалованіями и высоко вознесли его... Вѣрите-ли вы ему и убѣждены ли, что онъ не замыслитъ измѣны противъ васъ?

Это первое вѣдѣніе Эсѣири въ общественныя дѣла смутило короля и омрачило его чело.

— Развѣ ты знаешь что-либо о немъ? — спросилъ онъ.

— Наши говорятъ, что этотъ человѣкъ, хотя съ виду смиренный и послушный, что-то затѣваетъ противъ васъ. Почти всѣ великопольскіе помѣщики были созваны имъ и обязались взаимными клятвами и подписями съ печатами, что пойдутъ за нимъ.

— Да, я тоже знаю объ этомъ письменномъ заговорѣ, — отвѣтилъ король, — но онъ направленъ не противъ меня, ибо въ немъ же сказано, что они останутся вѣрными мнѣ.

Эсѣиръ улыбнулась.

— А развѣ надо писать о томъ? Этой мыслью они только хотятъ замаскировать истинную цѣль! — возразила она, смотря на короля. — Люди, имѣющіе уши, отлично слышали и повторяютъ, что въ этомъ ихъ договорѣ кроется ужасная измѣна. Я — глупая женщина и не понимаю такихъ вещей, но между нашими есть умные и опытные люди, которые говорятъ, что

Мацець Борковичъ тѣмъ болѣе опасный измѣнникъ, что онъ распинается передъ вами и вползаетъ въ довѣріе.

Казиміръ призадумался; между тѣмъ Эсѣиръ продолжала:

— Я не отъ себя говорю это, а только повторяю слова умныхъ людей: берегитесь этого человѣка. Вы хотите изъ всѣхъ вашихъ земель составить одно государство и объединить ихъ, а Мацець хочетъ отнять у васъ Великопольшу и управлять ею, какъ Зѣмовитъ управляетъ Мазовіей...

Видя удивленіе короля, Эсѣиръ взяла его руку и прильнула къ ней губами.

— Государь! — воскликнула она, — я не понимаю вашихъ дѣлъ и мой разумъ не постигаетъ тайнъ тѣхъ мудрыхъ людей, которые есть въ нашемъ народѣ и которые все предвидятъ... Они только скрываются и молчатъ, потому что боятся проявить свой умъ, а я говорю ихъ устами... Берегитесь Борковича!

Казиміръ молча выслушалъ Эсѣиръ, подумалъ, усмѣхнулся и съ грустью произнесъ:

— Совѣтъ твой хорошъ... Всегда долженъ быть остороженъ тотъ, кому дана власть и кто обязанъ стоять на стражѣ всей страны. Да, совѣтъ хорошъ, но я охотнѣе выслушалъ бы его изъ другихъ устъ, а твои созданы только для того, чтобы улаживать слухъ своими нѣжными рѣчами.

— Да, государь, я сама чувствую, что это не мое дѣло, но мое сердце дрожитъ при мысли, что моему повелителю грозитъ опасность. Могла ли я молчать, когда ты покровительствуешь мнѣ и моимъ братьямъ во Израилѣ, о которыхъ ты заботишься, печешься и даешь имъ пріютъ въ своемъ государствѣ... Они любятъ тебя и говорятъ моими устами.

— Мацько Борковичъ! — воскликнулъ король. — Да, онъ вліятеленъ какъ самъ по себѣ, такъ и благодаря мнѣ; онъ силенъ, потому что я далъ ему эту силу, ибо она нужна была для удержанія порядка. Но, какъ я возвысилъ его, точно такъ же могу и низвергнуть... Только для этого нужно кое-что большее, чѣмъ голословное подозрѣніе... я долженъ ждать...

— И слѣдить за нимъ! — прибавила Эсѣиръ.

Одѣлако это предостереженіе не было оставлено безъ вниманія и произвело свое дѣйствіе: король вернулся въ этотъ день въ замокъ менѣе веселый и болѣе задумчивый, а на слѣдую-

щій день послалъ Добека къ Вержбентъ въ Познань сказать ему, чтобы онъ немедленно прибылъ къ нему, не говоря никому, куда ѣдетъ и что онъ позванъ королемъ.

Въ это время въ Краковъ пріѣхалъ желанный и преданный королю гость, Богорья, архіепископъ гнѣзненскій. Всезнающіе люди говорили, что ксендзъ Суховилькъ нарочно выписалъ его.

Для короля этотъ гость былъ особенно пріятель, ибо между ними никогда не происходило никакихъ недоразумѣній. Богорья былъ снисходителенъ, а король — благодаренъ ему, и этотъ, когда-то строгій и энергичный владыка, когда дѣло касалось любимаго короля, былъ ему настоящимъ отцомъ, относился къ нему по-отцовски и въ тяжелые моменты жизни умѣлъ такъ съ нимъ говорить, что каждая бесѣда ихъ кончалась миролюбіемъ и взаимными уступками.

Епископъ Богорья, пріѣхавъ въ Краковъ, прежде всего отправился къ королю въ замокъ и объяснилъ ему, что онъ пріѣхалъ по церковнымъ дѣламъ, условиться съ епископомъ краковскимъ относительно земель и десятинныхъ доходовъ ихъ епархій, находящихся за польскими границами, въ земляхъ, не принадлежащихъ имъ. Хотя король ожидалъ и боялся, чтобы Богорья не заговорилъ съ нимъ объ Эсеири, но архіепископъ даже не намекнулъ о ней, какъ будто совсѣмъ не зналъ, и за это король былъ крайне благодаренъ ему, между тѣмъ какъ епископъ Бозантъ выходилъ изъ себя и говорилъ:

— Я простилъ бы ему десять любовницъ, но такого позора не могу терпѣть. Нашъ синклитъ запрещаетъ христіанамъ служить у евреевъ, а тутъ самъ король пошелъ къ нимъ на службу! Поэтому нельзя будетъ удивляться, если онъ дастъ имъ новыя права или подтвердитъ тѣ, которыя были даны имъ Болеславомъ!.. Тогда не они насъ, а мы ихъ станемъ бояться и заискивать!

Бозантъ, безъ вѣдома короля, тайно, созвалъ болѣе вліятельныхъ пановъ и вельможъ съ разныхъ земель. Кромѣ того, были: Збышко, настоятель краковского собора, кастелянъ Снытко, Янъ Налецъ, подканцлеръ краковскій, одинъ изъ Лигензовъ, Петръ Одровонжъ-Шидловецкій, Пржемыславъ изъ Глухова, по-

знанецъ и др. Они собрались у него на третій день, вечеромъ, послѣ прїѣзда архіепископа гнѣзненскаго. Разумѣется, о. Суховильскъ былъ тоже здѣсь. Всѣ они были расположены къ королю, только одинъ Бозантъ, хотя и примирившійся съ нимъ послѣ убійства Барычки, всегда былъ холоденъ и недоуменъ имъ.

Объяснять ужъ всѣмъ извѣстное дѣло не представлялось надобности, а потому архіепископъ вздохнулъ, приподнялъ руки и такъ началъ:

— Господь покаралъ насъ! Государь слабъ въ своей страсти, какъ и всѣ Пясты, но ему можно многое простить...

Епископъ Бозантъ вскочилъ и быстро прервалъ его:

— Довольно снисхожденій! Неустрашимый отецъ Мартинъ Барычка палъ его жертвою!.. Вмѣсто раскаянія, сами знаете, до чего дошло... Взять безстыдную любовницу изъ ненавистнаго племени и осквернять себя прикосновеніемъ къ ней... Это стыдъ и позоръ для его короны... Анаемой пригрозить ему, анаемой!.. Нужно строго отнестись, ибо сами мы довели его до того своими поблажками...

— Позвольте мнѣ, отецъ епископъ, сказать слово! — отозвался о. Суховильскъ, вставая. — Я давно знаю короля, его характеръ, пороки и добродѣтели... Какъ въ дѣлѣ Барычки, такъ и въ настоящемъ мы ничего не сдѣлаемъ проклятемъ, а только возстановимъ его противъ себя и возбудимъ еще большее упрямство.

— И что же, по вашему? — возмутился епископъ, складывая руки: — смотрѣть сквозь пальцы, молчать и терпѣть?

И онъ обвелъ ироническимъ взглядомъ присутствующихъ. Архіепископъ Богорья терпѣливо выслушалъ обоихъ.

— Мнѣ кажется, — отозвался онъ, — для исправленія его можно найти другія средства. Король, какъ извѣстно, соболѣзнуетъ о томъ, что у него нѣтъ наслѣдника престола. Онъ еще не старъ, а жены нѣтъ.. Его надо женить, дать ему молодую, красивую женщину, къ которой онъ могъ бы привязаться, и тогда онъ самъ оставитъ всякихъ любовницъ.

Спытко, Лигенза и Пржемыславъ Голуховскій, не принадлежавшіе къ сторонникамъ венгерскаго короля, одобрили мысль Богорья.

— Я нахожу хорошей мысль вашего высокопреосвященства, — отозвался Спытко, старшій изъ свѣтскихъ сановниковъ, — иначе горячая кровь его не смирится.

— Если бѣ мы и хотѣли осуществить такое наше желаніе, то едва ли намъ удастся это, — возразилъ Бозантъ, сидѣвшій подлѣ Богорья. — Я уважаю помазанника Божія, но долженъ замѣтить, что онъ обезславленъ. Ни одинъ отецъ не отдастъ ему своей дочери, изъ опасенія, чтобы ее не встрѣтила судьба Аделаиды, которая должна была уѣхать отъ Рокичаны, и ни одна княжна не пойдетъ за него, а для королевы мало одной красоты и молодости, — нужна благородная кровь, чтобы она не сдѣлала намъ стыда.

— Съ этимъ я не согласенъ, — возразилъ Богорья, — княжну мы всегда найдемъ... Вѣдь при Казиміръ наше государство сдѣлалось тѣмъ, чѣмъ никогда не было... прочнымъ, устойчивымъ, великимъ... и польская корона стоитъ чего-либо...

— Разумѣется, пойдетъ, — сказалъ Спытко, — только бы онъ согласился на новый бракъ.

— А зачѣмъ ему соглашаться?! — возразилъ Бозантъ. — Онъ ужъ давно потерялъ надежду на полученіе наслѣдника, ибо Господь его наказываетъ за смерть благочестиваго Барычки... Онъ самъ знаетъ, что отъ наложницъ у него не будетъ наслѣдника, а отъ жены — Богъ не дастъ ему.

— Господь милосердъ! — серьезно замѣтилъ Богорья. — Я другого мнѣнія. Будемъ молиться... Надѣюсь, что и вы, братъ мой, не откажетесь отъ этого? — прибавилъ онъ, обращаясь къ Бозанту.

— Пусть прежде заслужить этого, — пробурчалъ послѣдній, сводя брови и хмурясь. — Онъ живетъ съ жидовкой и потому подлежитъ отлученію отъ церкви.

Всѣ промолчали.

— Я думаю, — произнесъ Спытко, кастелянъ краковскій, — что если мы всѣ попросимъ его, то онъ согласится жениться.

— Раньше подыщите княжну, которая согласилась бы выйти за него, — возразилъ съ неудовольствіемъ епископъ. — Я увѣренъ, что не найдете такой.

— Мнѣ кажется, намъ не подобаетъ искать ее и навязы-

вать... — сказалъ Богорья. — Пусть самъ подыщетъ себѣ по сердцу, а мы только будемъ просить.

— Гдѣ ему найти по сердцу, если это сердце похитила у него какая-то жидовка! — разсмѣялся Бозантъ.

— Я думаю, что не сердце, а только страсть заковала его въ эти узы, — замѣтилъ о. Суховилькъ.

— Говорять, что она очень не глупа, — сказалъ съ ядовитой ироніей Бозантъ. — А при красотѣ умъ — великое дѣло, и трудно бороться...

Опять настало молчаніе, которое нарушилъ архіепископъ Богорья.

— Я все-таки остаюсь при своемъ мнѣніи, — сказалъ онъ, — пойдемъ всѣ къ нему и будемъ просить, но отнюдь не грозить... Если мы желаемъ имѣть короля Пястовской крови, то пусть женится, а мы будемъ молиться... Вѣдь Господь ужъ не разъ совершалъ чудеса.

— Да, совершалъ, но не для тѣхъ, которые попирали ногами Его законы, — возразилъ Бозантъ. — Но, вотъ что я вамъ скажу, мои милые господа! — прибавилъ онъ, обращаясь къ Спыткѣ и другимъ сановникамъ: — дѣлайте, что хотите, и можете сколько угодно просить, но я — не стану и не пойду съ вами. Молиться-же буду объ обращеніи его на путь истины; но пока онъ пребываетъ въ грѣхахъ, я отвращаю отъ него мое лицо, какъ отвратили отъ него Самъ Богъ и святые заступники нашего королевства. Господь наказуетъ насъ, и со дня смерти Барычки не прекращаются ни голодъ, ни моръ, ни наводненія... Всѣ несчастья обрушиваются на наши головы, какъ вѣрные признаки божескаго наказанія, и что мы можемъ больше сдѣлать, какъ не побуждать его своею суровостью къ покаянію?..

— Не мѣшаетъ прежде испытать болѣе мягкія средства, — замѣтилъ о. Суховилькъ, — а если это не поможетъ и источникъ доброжеланій изсякнетъ.

— Онъ ужъ давно изсякъ! — возразилъ Бозантъ.

Архіепископъ какъ будто не слыхалъ, что они говорили, и повторилъ:

— Пойдемъ къ нему...

— Прежде, чѣмъ рѣшить этотъ вопросъ, — сказалъ о. Суховилькъ, поднявшись съ мѣста, — нужно подумать о томъ,

какъ идти?!. Всеѣмъ ли вмѣстѣ или по одиночкѣ только настаивать на томъ при каждомъ удобномъ случаѣ? Но король никакихъ настояній не переносить и они вызываютъ лишь одинъ сопротивленіе. Мнѣ кажется, что каждый изъ насъ, движимый любовью къ королевской крови, долженъ отъ себя молить его о томъ, и когда всѣ голоса сольются воедино, то они навѣрное принесутъ свои плоды.

Бозантъ пожалъ плечами.

— Милостивые государи! — произнесъ онъ имъ съ ироніей, — пойдете ли вы всѣ вмѣстѣ или по одиночкѣ, я ручаюсь, что завтра онъ будетъ знать, что это нападеніе дѣлается съ нашего общаго совѣта!

Ксендзь Суховилькъ принялъ это замѣчаніе на свой счетъ, покраснѣлъ и отвѣтилъ:

— Ни я, ни отецъ Збышко, ни кастелянъ не пойдемъ доносить королю о томъ, а также и вы, нашъ милостивый владыка, не пошлете въ замокъ сказать, что мы здѣсь говорили.

Бозантъ разсмѣялся.

— Не знаю, кто донесетъ и кто, вообще, доносить, но одно достоверно, что король всегда знаетъ все, что ему надо или ненадо.

— А чего же онъ не долженъ знать въ своемъ королевствѣ? — спросилъ о. Суховилькъ.

Епископъ грозно взглянулъ на него.

— Вы распространяете погубное ученіе! воскликнулъ онъ: — Быть можетъ, вы желали бы чтобъ король одинъ былъ властелиномъ во всемъ королевствѣ, а мы, духовные, были его слугами?.. Все, что мы дѣлаемъ и предпринимаемъ, — наше дѣло, и ему нѣтъ надобности знать о томъ, а тѣмъ больше вмѣшиваться въ наши дѣла...

Архіепископъ Богорья задумчиво вертѣлъ свой перстень на пальцѣ и смотрѣлъ на него.

— Король уважаетъ церковную власть, — замѣтилъ онъ.

— А между тѣмъ велѣлъ утопить Барычку!

— Въ этомъ нельзя его обвинять...

— Какъ-же нельзя, если онъ защищаетъ убійцъ?! не уни-
мался жестокой епископъ.

— Но вѣдь это несчастное дѣло давно кончилось, — сказал о. Суховильскъ.

— Кончилось но не забыто! Оно навсегда запечатлѣлось въ памяти народа и позорное пятно никогда не смоеется съ него...

— Христосъ завѣщалъ намъ прощать... — вмѣшался архіепископъ Богорья.

Недовольный Бозантъ умолкъ и чрезъ минуту сдѣлалъ движеніе, какъ будто хотѣлъ уйти, но Богорья удержалъ его.

— Мы ждемъ вашего слова, отецъ, — сказалъ онъ. — Согласитесь съ нашею общей мыслью...

— Вы у насъ глава! — гордо возразилъ Бозантъ, — хотя я тоже пастырь въ своей епархіи... Я не стану противиться тому, что вы рѣшите, но не могу измѣнить своихъ убѣжденій, ибо думаю совсѣмъ иначе.

Говоря это, онъ попрощался съ архіепископомъ, который, поддерживая его подъ руку, съ уваженіемъ проводилъ до дверей его внутреннихъ покоевъ.

Всѣ оставшіеся помогали нѣкоторое время. Его уходъ изъ залы засѣданія какъ будто сбросилъ тяжелое бремя съ ихъ плечъ.

— Хотя нашъ владыка иначе смотритъ на нашу затѣю, — отозвался о. Суховильскъ, — но если Господь позволить намъ удачно провести ее и достигнуть цѣли, то и онъ присоединится къ намъ. Онъ все еще питаетъ неудовольствіе на государя, но въ концѣ концовъ уступить.

— Я то же думаю, — подтвердилъ Богорья мнѣніе своего племянника.

Всѣ остальные соглашались съ ихъ мнѣніемъ и ничего не могли прибавить къ сказанному: рѣшено было женить короля и изыскать средства для скорѣйшаго осуществленія ихъ плановъ. А такъ какъ о. Суховильскъ хорошо зналъ короля и совѣтовалъ подходить къ нему съ внушеніемъ жениться поодиночкѣ, то и этотъ совѣтъ былъ принятъ.

Разумѣется, прежде всего долженъ былъ заговорить о томъ архіепископъ; а въ виду того, что онъ не могъ долго быть въ Краковѣ, то на слѣдующій же день отправился въ замокъ.

Въ немъ тоже производились каменные постройки и новыя стѣны; король до того былъ заинтересованъ ими, что самъ

Каждый день наблюдалъ за работами. Хотя замокъ еще при отцѣ былъ каменный и довольно обширный, но Казиміръ хотѣлъ его сдѣлать хотя не такимъ, какой пристало имѣть великому государю, но по крайней мѣрѣ соотвѣтственнымъ его вкусу. Въ немъ не доставало удобнаго помѣщенія для него самого и для приѣма многочисленныхъ гостей. Казиміръ мечталъ о такомъ дворцѣ, какіе онъ видѣлъ въ Прагѣ, въ Вышградѣ, въ Будѣ и какіе существовали, по словамъ Вацлава Тенчинскаго, въ европейскихъ столицахъ. Польша страдала отсутствіемъ каменщиковъ, маляровъ, строителей, столяровъ, рѣзчиковъ и проч., и ихъ всѣхъ приходилось выписывать изъ-за границы. Пришлецы, имѣя много работы въ Краковѣ и другихъ городахъ, въ большинствѣ, поселялись въ краѣ, благодаря чему мѣстная молодежь училась ихъ искусству, и король утѣшался тѣмъ, что около замка работали не одни иностранцы, а и свои.

Король охотно разговаривалъ съ рабочими, какъ и съ крестьянами. Его упрекали въ томъ, что онъ черезчуръ много выписываетъ нѣмцевъ-ремесленниковъ и очень любитъ чужеземцевъ; но онъ любилъ ихъ вовсе не изъ-за того, что они иностранцы, а потому что они были полезные люди и являлись учителями во всемъ краѣ тѣхъ наукъ, какихъ не существовало въ Польскомъ государствѣ.

Когда архіепископъ Богорья пріѣхалъ въ замокъ, Добко сказалъ ему, что король осматриваетъ постройку крѣпостныхъ стѣнъ и хотѣлъ ужъ пойти доложить ему о его пріѣздѣ; но пока они разговаривали, король уже вошелъ въ приемную и привѣтствовалъ своего любимаго владыку. Тѣмъ сердечнѣе онъ поздоровался съ нимъ, что послѣдній щадилъ его и ни слова не говорилъ объ Эсѣири.

Они оба вошли въ комнаты.

— Слава Богу, сказалъ онъ, — что наше старое гнѣздо съ каждымъ днемъ все мягче устлается... и дай Богъ, чтобы оно росло и процвѣтало на счастье и утѣху всемъ живущимъ въ немъ... Однако въ этомъ гнѣздѣ не пристало сидѣть орлу въ одиночествѣ...

— Что дѣлать! въ этомъ я не виноватъ, — вздохнулъ король. — Вы знаете всю мою жизнь, всѣ непріятности и разочарованія... Теперь ужъ поздно!

— Поздно?!—воскликнул Богорья садясь.—Напротивъ, вы еще въ полной силѣ своихъ лѣтъ!

— Миѣ предсказано, что я умру безъ наслѣдника...

— Это глупое предсказаніе! прервалъ его архіепископъ.— Кто можетъ знать, что Господь предназначаетъ?

Король опустилъ голову и призадумался.

— Всѣ мы, умѣющіе любить кровь нашихъ королей, молимся и жаждемъ, чтобы эти предсказанія не сбылись,—сказалъ Богорья.—Да и вообще не слѣдуетъ оставаться вдовцомъ, не имѣя наслѣдника для государства... Это значитъ добровольно отказаться отъ всякихъ надеждъ. Хотя въ нашемъ королевствѣ есть такіе люди, которые охотно возвели бы вашего племянника Людовика на Пястовскій престолъ, и хотя въ немъ тоже есть капля вашей крови, но мы еще не потеряли надежды, что вы оставите вашему сыну слѣдующую ему по наслѣдству польскую корону.

Говоря это, архіепископъ смотрѣлъ на Казимира, который сидѣлъ съ опущенными глазами и омраченный, точно разговоръ этотъ коснулся самыхъ больныхъ струнъ его души. Архіепископъ ждалъ отвѣта; но Казимиръ понялъ, почему онъ уговаривалъ его жениться. Это былъ тонкій намекъ на его жизнь; намекъ этотъ показался ему не присущимъ для Богорья, и хотя онъ только слегка коснулся его отношеній, но это кольнуло его,—онъ стыдился.

— Послѣ всего, что я испыталъ въ своей жизни,—отвѣтилъ онъ наконецъ,—очень трудно сдѣлать новый шагъ...

— Но для будущности королевства вы должны пожертвовать собою,—возразилъ Богорья.

Король помолчалъ, а затѣмъ равнодушно отозвался:

— Не легко найти такую женщину, которая понравилась бы миѣ, а на первой встрѣчной я тоже не могу жениться. Бракъ вѣченъ и за ошибку приходится платиться всей своей жизнью.

— Господь милостивъ, и ошибки не будутъ!.. Ищите и обрящете, говорится въ Писаніи...

Разговоръ ихъ еще продолжался, когда вошелъ гаселянъ Спытко, ежедневный гость въ замкѣ. Богорій нарочно обратился къ нему.

— Я увѣренъ, — сказалъ онъ, — что и вы поддержите меня. — Я уговариваю короля жениться...

— О, мы все готовы на коленяхъ просить о томъ! — отвѣтилъ Спытко, низко кланаясь. — Вы, ваше преосвященство, предвосхитили нашу мысль и желаніе, которое мы не смѣли выразить его величеству... Все государство только и ждетъ этого счастливаго дня...

— Да вѣдь вы все, господа, знаете, — возразилъ озабоченно Казиміръ, — что государство не останется безъ короля... Корона завѣщана Людовику...

— И онъ будетъ, по необходимости, милымъ намъ, если, сохрани Богъ, она перейдетъ къ нему, — сказалъ Спытко. — Но свой государь, родившійся у насъ, выросшій и воспитанный, и будетъ своимъ, а не чужимъ: чужой хоть и хорошій, а все-таки чужой, а съ нимъ все будетъ чужое, и законы, и обычаи, и все...

Король съ притворнымъ весельемъ, какъ будто желая измѣнить разговоръ, медленно произнесъ:

— Тяжелъ я сталъ на подъемъ, да и никакая княжна, пожалуй, не пойдетъ за вдовца... Устарѣлъ...

Богорья усмѣхнулся.

— Только бы явилась охота, а мы все будемъ сватать вамъ! — сказалъ онъ.

— Въ мои годы, надо, чтобы кто-либо женилъ меня, — кончилъ король, — а ужъ самому трудно жениться...

Архіепископъ поговорилъ еще нѣкоторое время по тому же предмету, хотя и видѣлъ, что такая бесѣда не нравилась королю. Спытко поддерживалъ его, и наконецъ оба ушли.

Коханъ, знавшій о вчерашнемъ собраніи и заговорѣ противъ короля, ждалъ съ нетерпѣніемъ, чѣмъ кончится бесѣда архіепископа и Спытки съ нимъ. Послѣ ихъ ухода онъ замѣтилъ въ королѣ большую переменъ: лицо его совсѣмъ омрачилось и вечеромъ онъ пошелъ къ Эсепри.

Въ слѣдующіе затѣмъ дни все, кто имѣлъ возможность видѣться съ королемъ, поддерживали мнѣніе Богорья и высказывали довольно неловко общее желаніе видѣть его женатымъ...

Все это вызывало тучи на челѣ короля и наконецъ онъ замѣтилъ, что всякія такіе настаиванья были плодомъ какого-

то заговора и дѣлались съ общаго согласія, въ виду чего, однажды вечеромъ, онъ позвалъ Кохана, который зналъ лучше всѣхъ, что и гдѣ дѣлается, и спросилъ его:

— Откуда это пошло, что всѣ нападаютъ на меня и угрожаютъ жениться?

— Не смѣю даже объяснять, — возразилъ Рава, — ибо вы сами понимаете, ваше величество, значеніе этихъ просьбъ и совѣтовъ... Общее желаніе удалить васъ отъ жидовки...

— Такой, какъ она, королевы мнѣ не дадутъ, — пробурчалъ онъ, — и напрасно они хлопочутъ... Я съ каждымъ днемъ все болѣе привязываюсь къ ней.

Осторожный фаворитъ короля промолчалъ.

Сердечная связь съ Эсеирью продолжалась ужъ нѣсколько мѣсяцевъ, и общественный ропотъ возрасталъ, а вскорѣ, вмѣсто одиночныхъ просьбъ, составила цѣлая депутація отъ всѣхъ земель и рыцарства, которая явилась въ замокъ и торжественно выразила ему общее желаніе, чтобы онъ искалъ себѣ невѣсту.

Базимиръ, будучи вынужденнымъ отвѣтить, такъ какъ ему надѣли уже приставанія, доведенный до раздраженія, наконецъ публично сказалъ посламъ, что онъ готовъ удовлетворить желаніе народа и всего рыцарства, если только найдется княжна, которая пришлась бы ему по сердцу.

Это являлось нѣкоторымъ образомъ обязательствомъ исполнить данное слово.

Бастелянъ Спытко и другіе рѣшили поискать невѣсту въ родѣ силезскихъ Пястовъ, а потому всѣ посвященные въ это дѣло начали ѣздить по тамошнимъ княжескимъ дворамъ и высматривать княжну-невѣсту. Благодаря ихъ хлопотамъ, вскорѣ ужъ можно было услышать имена ихъ.

Король съ большимъ неудовольствіемъ и равнодушіемъ выслушивалъ доклады, пожималъ плечами, но не отвѣчалъ. Онъ видѣлъ, что ему не удастся отдѣлаться отъ этой новой женитьбы, а потому приходилъ въ раздраженіе и всѣ вечера проводилъ по обыкновенію у Эсеири, а часто даже днемъ, не обращая вниманія, что скажетъ народъ, ѣздилъ къ ней со своей свитой, которую отсылалъ затѣмъ домой и оставался у жидовки.

Больше всѣхъ другихъ ему сватали княжну Ядвигу Гло-

говскую, о которой говорили, что она молода, красива и хорошо воспитана, такъ что достойна занять мѣсто на королевскомъ престолѣ. Эсѳиръ ужъ знала о такомъ сватаніи съ самаго начала: у нея тоже были преданные ей придворные, которые и доносили, что дѣлалось при дворѣ.

Однако она никогда не показывала своимъ лицомъ, что знала о сватаніи, не омрачалась и не выказывала своихъ опасеній: она всегда весело встрѣчала короля, забавляла безконечнымъ щебетаньемъ и старалась развлечь послѣ всedневныхъ государственныхъ заботъ.

Въ свою очередь и король принуждалъ себя быть веселымъ, какъ только переступалъ порогъ ея дома, и, благодаря этому принужденію, мало-по-малу развлекался, оживлялся и бесѣдовалъ, какъ будто ничего не случилось.

Но въ послѣдній разъ онъ не могъ прояснить своего нахмуреннаго чела и, какъ только пришелъ, почти упалъ въ кресло. Послѣ пристававіи къ нему въ продолженіе дня разныхъ лицъ, онъ ужасно измучился. Здѣсь его ожидалъ ужинъ, за который онъ сѣлъ, не сказавъ почти ни слова. Эсѳиръ тоже молчала и только съ любовью посматривала на него.

На этотъ разъ онъ пришелъ съ тяжелой рѣшимостью откровенно поговорить съ нею. Поужинавъ, онъ наконецъ взглянулъ на нее. Она сидѣла подлѣ него, какъ и всегда, прекрасная, только немного блѣднѣе.

— Слушай, Эсѳиръ!—отозвался онъ, протягивая ей руку.— Чтобы ты сказала, если бъ меня принудили жениться?.. Духовенство, рыцари и шляхта настаиваютъ на томъ... Какъ я ни защищаюсь, однако не знаю, удастся ли мнѣ отдѣлаться отъ нихъ. Самъ Богъ видитъ, что я не хочу жениться, но...

Эсѳиръ не спускала съ него своихъ глазъ и спокойно выслушала его.

— Ваше величество!—отозвалась она, когда онъ кончилъ,— вы ихъ король... и они вправѣ ожидать отъ васъ наслѣдника вашей крови... Что-же я могу сказать? Но неужели вы оставите свою Эсѳиръ?

— Никогда! никогда!—воскликнулъ король съ оживленіемъ:—ты одна у меня и никто тебя не замѣнитъ...

— Все-таки молодость, красота, новизна-ощущеній могутъ

повліять и невольно заставить забыть... — серьезно, но спокойно замѣтила жидовочка.

— Я увѣренъ, что мнѣ не полюбить другой такъ, какъ я люблю тебя... Очевидно, моя любовь велика, если она заставила меня снизойти съ престола къ Эсеири... Это не такое чувство, которое можетъ погасить и уничтожить первое встрѣчное личико какой-либо княжны.

По лицу Эсеири скатились двѣ крупныя слезы, которыя упали на ея бѣлыя руки.

— Ты мой повелитель, а я твоя рабыня, — сказала она. — Дѣлай, что хочешь... Эсеиръ будетъ тебѣ послушной... А что въ сердцѣ произойдетъ и что будетъ съ нимъ, того я не выдамъ никогда, и ты не увидишь болѣе моихъ слезъ...

Взволнованный Казимиръ всталъ, чтобы ее приласкать, успокоить что ихъ отношенія не могутъ измѣниться.

Ужасное страданіе, сопровождаемое слезами на глазахъ, было побѣждено и вызвало улыбку, преисполненную довѣрія и счастья. Король началъ жаловаться и раскрывать свое сердце передъ нею.

— Не цари мы на престолѣ, а невольники! — воскликнулъ онъ. — Мы имѣемъ право отнять человѣческую жизнь, но своей не можемъ защитить и управлять... Духовенство — съ одной стороны, рыцари — съ другой, шляхта и паны — съ третьей, всѣ осаждаютъ и наконецъ могутъ побѣдить даже самую несокрушимую волю... Будучи добрымъ, они говорятъ, что я черезчуръ мягкій, а будучи суровымъ, — говорятъ — жестокъ. У судьи есть свои часы досуга, когда онъ, сойдя съ своего судейскаго мѣста, дѣлается обыкновеннымъ человѣкомъ; солдаты имѣютъ отдыхъ; крестьянинъ дѣлается, что ему угодно; а на короля обращены глаза всѣхъ, и они слѣдятъ за каждымъ его движеніемъ, какъ днемъ, такъ и ночью... Онъ долженъ быть женатымъ ради примѣра другимъ; протягивать руку врагу, ради спокойствія; воевать — ради всеобщаго блага; а для себя — ровно ничего! Онъ является рабомъ своихъ подданныхъ и не смѣетъ даже пикнуть!..

— Государь! — прервала его Эсеиръ. — Господь поставилъ царей выше всѣхъ другихъ и Онъ черезъ васъ управляетъ народами... Жаловаться можетъ только обыкновенный смертный, а цари должны гордиться, что они Его ставленники...

Казиміръ, боявшійся ея слезъ, выговоровъ и отравленія тѣхъ сладостныхъ минутъ, которыя онъ проводилъ съ нею, остался чрезвычайно благодарнымъ ей, что она такъ мужественно приняла непріятное для нея извѣстіе... И эта благодарность усилила его привязанность къ ней.

Въ этотъ вечеръ онъ взволнованно и со слезами на глазахъ увѣрялъ Эсеиръ, что онъ никогда не оставитъ ее, и какъ бы къ нему ни приставали, онъ останется вѣрнымъ ей даже въ томъ случаѣ, если бы его женили.

Боханъ, котораго король не остерегался и который подслушивалъ у двери, ушелъ въ этотъ день съ убѣжденіемъ, что Казиміръ не можетъ порвать свои отношенія съ Эсеирью. Въ виду этого, онъ измѣнилъ свое мнѣніе и записалъ себя въ число ея поклонниковъ и вѣрныхъ слугъ.

На слѣдующій день онъ предложилъ вои услуги королю отнести подарки, которые Казиміръ предназначилъ для Эсеири, какъ выраженіе благодарности за вчерашнее услажденіе его горькихъ минутъ жизни, ободренія и увеличившейся къ ней привязанности. Такимъ образомъ изъ секровищницы короля перешло ужъ множество вещей въ сундуки Эсеири...

Боханъ съ двумя слугами снесъ ей дары, которыхъ она, казалось, и не ожидала. Пользуясь этимъ случаемъ, онъ постарался выразить ей свои увѣренія, что онъ всегда готовъ поддерживать ее и быть посредникомъ между нею и королемъ...

Вѣроятно, онъ ожидалъ отъ Эсеири благодарности и болѣе теплыхъ отношеній къ нему, но она отвѣтила ему на его заискиваніе равнодушнымъ кивкомъ головы.

Точно также она принимала всѣхъ, кто къ ней обращался съ намѣреніемъ чего-либо достигнуть у короля черезъ ея посредство. Она прямо отвѣчала имъ, что она ни для себя, ни для другихъ никогда не осмѣлится беспокоить монарха.

И въ самомъ дѣлѣ, Казиміръ никогда не слыхалъ отъ нея ни одного намека о чемъ-либо постороннемъ, кромѣ того, что касалось только ихъ обоихъ. Левко и другіе родственники надѣждались ей оказать имъ незначительныя услуги, но она отказывала имъ.

— Я буду дѣлать все, что касается нашего народа, — отвѣ-

чала она, — но не стану беспокоить его изъ-за нуждъ отдѣльныхъ лицъ... Онъ приходитъ ко мнѣ отдохнуть отъ своихъ государственныхъ заботъ, и я не могу отравлять минуты его отдыха всякими выпрашиваніями милостыни...

Левко сначала сердился, но скорѣе понялъ ее, сталъ уважать ея рѣшеніе и ужъ больше не настаивалъ. Вѣроятно, онъ находилъ, что она, своей назойливостью и злоупотребленіемъ власти, какую она получила надъ нимъ, можетъ оттолкнуть его отъ себя. Въ ней было много ума для того, чтобы выйти изъ предѣловъ своего вліянія, которое по началу казалось какъ бы ничтожнымъ, но далѣе и болѣе всѣ почувствовали, что оно достигло колоссальныхъ размѣровъ, какихъ никто не могъ предвидѣть.

Коханъ молча покачалъ головою, видя, что его вліяніе на короля окончилось, а съ того вечера, когда она согласилась съ необходимостью королевской женитьбы, она возвысилась въ его глазахъ...

Черезъ нѣкоторое время у нея родился сынъ, котораго король велѣлъ крестить, назвалъ его Пелкой и далъ ему гербъ, на одной половинѣ котораго была половина орла, а на другой — щитъ съ изображеніемъ крѣпости и двухъ бѣлыхъ розъ. Онъ призналъ его своимъ. Разумѣется, рожденіе его вызвало ужаснѣйшій ропотъ, окончившійся тѣмъ, чѣмъ оканчивались всякіе нареканія и крики — успокоеніемъ.

А между тѣмъ сватовство продолжалось и кончилось на княжѣ Ядвига. Въ замкѣ начали приготовляться къ торжественному празднованію свадьбы.

Казиміръ ужъ не возражалъ и позволилъ распоряжаться собою. Теперь для него было безразлично, была ли его невѣстой Ядвига или какая-либо другая, — все равно онъ долженъ былъ жениться по принужденію.

Мацекъ Борковичъ былъ могущественнымъ вельможей, которому король, въ силу заслугъ его отца Пржебыслава, воеводы познанскаго, пожаловалъ большія земли и помѣстья: Козьмино, Орли, Божейтцы, Голины и многія другія недвижимыя имущества.

Мы ужъ встрѣчались съ нимъ у Неорзы, когда онъ прислушивался къ тому, что у него говорили недовольные королемъ, какъ они болтали, но ничего не умѣли сдѣлать. У Мацѣка была хитрая натура. Съ виду онъ казался вспыльчивымъ, откровеннымъ, крикливымъ, но умѣлъ показать людямъ только ту сторону медали, которую хотѣлъ, и не выдавалъ того, что слѣдовало скрыть. Несмотря на свои сорокъ слишкомъ лѣтъ и на то, что у него былъ взрослый сынъ, оставленный ему покойной женой, онъ выглядѣлъ бодрымъ и здоровымъ, а потому и любившимъ ухаживать за молоденькими дѣвушками.

Онъ былъ могущественнымъ въ Великопольшѣ, не потому, что у него было много земли и помѣстій, а потому, что, родившись въ ней, онъ трудился ради того, чтобы расположить къ себѣ людей. Онъ былъ не слишкомъ разборчивъ въ выборѣ и отлично понималъ, что ихъ легче всего расположить угожденіемъ и снисходительностью къ ихъ способностямъ. Его боялись, такъ какъ онъ былъ черезчуръ вспыльчивъ, но охотно дружились, потому что позволялъ охотиться въ своихъ лѣсахъ, любилъ застольныя бесѣды, поддерживалъ стремящихся къ повышеніямъ, и располагалъ жадныхъ до денегъ разными крупными или мелкими подачками. Давно ужъ многіе смотрѣли на Мацѣка съ недовѣріемъ, за его стремленіе управлять самостоятельно Великопольшей и онъ самъ видѣлъ это, но если кто становился ему на дорогѣ и мѣшалъ, то онъ такъ ловко убиралъ его какими-то особенными средствами, что и концовъ нельзя было найти. Многіе, посягавшіе на него, надождавшіе или мѣшавшіе ему, гибли въ лѣсахъ, въ путешествіяхъ, а то и въ простыхъ ссорахъ въ какой-либо корчмѣ, и все это какъ будто случайно и не извѣстно какимъ образомъ.

Мадекъ, его братъ Ясько и сынъ ходили всѣ вмѣстѣ и были неразлучны. Кромѣ того, у него были два друга—Сендивой Наленчъ и Шкура, богатые помѣщики, его фавориты, на которыхъ онъ сильно полагался и рассчитывалъ.

Мадекъ съ виду служилъ вѣрой и правдой королю, и даже униженно кланялся ему; а такъ какъ онъ казался простымъ и откровеннымъ, то Казиміръ не боялся его. Но знавшіе тайны Мацѣки доказывали, что онъ ловко, потихоньку и полегоньку, составлялъ заговоръ противъ короля. Его отношенія съ бран-

денбургскими и силезскими князьями являлись очень подозрительными, ибо всѣ они были врагами Польши. Но явно его нельзя было ни въ чемъ упрекнутьъ.

Король вручилъ ему большую власть, сдѣлавъ его старостой въ Великопольшѣ; а онъ самъ присваивалъ себѣ еще большую, привлекая всѣхъ къ себѣ тѣмъ, что онъ защищалъ и отстаивалъ исключительныя права этой земли.

Многіе великополяне довѣрчиво относились къ нему, и кончилось тѣмъ, что онъ сталъ во главѣ своихъ единомышленниковъ, великопольскихъ землевладѣльцевъ, которые чѣмъ-либо были недовольны королемъ, вслѣдствіе чего образовался заговоръ, подготовлявшійся долгое время съ большимъ расчетомъ. Благодаря ему, всѣ значительные помѣщики съѣхались въ Познань. Во главѣ ихъ были кастелянъ Пржецлавъ и судья Николай, которые составили письменный договоръ держаться всѣмъ вмѣстѣ и идти рука объ руку. Правда, въ договорѣ этомъ было сказано, что они могли не идти противъ короля и оставаться вѣрными ему, но эти слова были сказаны только для отвода глазъ.

Въ то же время ужъ поговаривали объ измѣнѣ Винча Шамотульскаго, собравшаго вокругъ себя большую партію и отправившагося къ крестоносцамъ.

Но были и такіе, которые помнили, что король черезчуръ былъ милостивъ къ Мацькѣ въ своихъ пожалованіяхъ. Эти послѣдніе не вѣрили и не могли допустить, чтобы онъ осмѣлился идти противъ своего благодѣтеля. Во главѣ ихъ стоялъ родной дядя Мацьки Борковича, старый Веньяминъ, прозванный Бенькой, который отлично зналъ своего племянника, велѣлъ остерегаться и не связываться съ нимъ, благодаря чему между ними ужъ происходили распри и они грозили другъ другу.

Все это происходило именно въ то время, когда разнесся слухъ, что королю просватали Ядвигу Гагоговскую. Слухъ этотъ проникнулъ въ Познань, а оттуда и въ Козьминъ.

Козьминскій замокъ находился за городомъ и Борковичъ часто пребывалъ въ немъ, когда не хотѣлъ быть видимымъ въ Познани. Козьминъ былъ достаточно укрѣпленъ, окруженъ землянымъ валомъ и огороженъ частоколомъ, какъ и всѣ дворы Борковича, служившіе пристанищемъ для его обочной жизни. Хотя

У него люди были подобраны молодецъ къ молодцу, великолѣпно вооружены, одѣты, напоены, накормлены и щедро оплачены жалованьемъ... Это были настоящіе разбойники, которые не дорожили своей жизнью, а тѣмъ больше не жалѣли чужой. Стоило только Борковичу кивнуть, какъ каждый изъ нихъ готовъ былъ броситься даже на родного брата.

Въ данное время Мацѣкъ Борковичъ сидѣлъ въ Козьминѣ съ своимъ братомъ Яномъ, сыномъ Пржемкой и неразлучными друзьями, Сендивоемъ и Шкурой.

На козьминскомъ дворѣ царствовало большое оживленіе. Всѣ окрестные помѣщики и землевладѣльцы то пріѣзжали, то уѣзжали; столы съ явствами стояли накрытыми съ утра до ночи; пивныя бочки моментально опоражнивались, медъ—высыхалъ, а мяса и хлѣба—трудно было напасть...

Если-бъ кто посторонній заглянулъ въ комнаты, въ которыхъ постоянно было шумно и полно народу, то навѣрное не подумалъ бы что тамъ составлялся заговоръ, ибо всѣ громко кричали, шумѣли, смѣялись, пили, ѣли, ссорились и говорили о такихъ вещахъ, которыя были опасны для нихъ самихъ. Только отъ времени до времени Мацѣкъ бралъ кого-либо изъ шляхичей подъ руку, уводилъ его на минуту въ отдѣльную комнату, шептался съ нимъ и потомъ, смѣясь, возвращался въ общую къ столамъ, у которыхъ угощали какъ онъ самъ, такъ и его брать и сынъ.

Домъ вдовца Борковича славился своими особенностями. Кромѣ многочисленныхъ слугъ мужского пола, въ немъ было много молодыхъ дѣвушекъ въ вѣночкахъ, всегда веселыхъ и смѣющихся, которыя тоже прислуживали у столовъ. Гости свободно держали себя съ ними, щипали ихъ, шутили и ухаживали за ними... У Борковича все позволялось тѣмъ, которые держали его сторону. По вечерамъ, онѣ пѣли, плясали и забавляли охмѣлѣвшихъ гостей.

Въ тотъ день, когда мы застаемъ Мацѣку Борковича въ Козьминѣ, гостей было очень мало: только одинъ, пріѣхавшій изъ Кракова, сидѣлъ за столомъ, ѣлъ, пилъ и постоянно говорилъ что-то такое, что нисколько не мѣшало ему набивать ротъ мясомъ и хлѣбомъ.

Мацѣко сидѣлъ развѣясь на скамьѣ въ растегнутомъ каф-

танѣ, и безпокойной рукой поддергивалъ свою короткую бороду. По гордому лицу его видно было, что онъ доволенъ собою.

Краковскій гость, прозванный Горошкомъ, былъ изъ бѣдныхъ дворянъ, герба Полкозицевъ, служилъ и нашимъ и вашимъ, а теперь—исключительно Мацькѣ, сообщая ему обо всемъ, что дѣлалось на королевскомъ дворѣ.

Шляхтичъ этотъ былъ худой, костлявый, загорѣлый, бѣдно одѣтый, съ длинной шеей, на которой качалась лысая голова, отвратительный, съ маленькими глазами, большимъ краснымъ носомъ и отставшими отъ головы ушами. Онъ говорилъ тихо, но скоро и шепелявилъ.

Староста внимательно слушалъ его и разспрашивалъ:

— У короля за послѣднее время перебивало много пановъ,—сказалъ шляхтичъ.—Всѣ они насѣли на короля и хотятъ женить.

— У него и безъ того ужъ много женъ... Неужели еще нужно новую?.. А что же будетъ съ жидовкой? Я слышалъ, что онъ сильно любить ее, точно она родить ему Мессію.

— Ужъ родила!.. Его крестили въ костелѣ, зовутъ Пелкой и ему данъ гербъ... Должно быть Казимира было трудно удалить отъ жидовки, если ему стали сватать невѣсту.

— Вѣрно опять какую-либо нѣмку?

— Нѣмку—не нѣмку, но также хорошо воспитанную и образованную, какъ нѣмки... Достоверно говорить о Ядвигѣ Глюговской.

Мацько, полулежавшій на скамейкѣ, быстро вскочилъ, такъ что скамейка подъ нимъ затрещала, сжалъ кулаки и грозно нахмурилъ брови.

— Провалитъсѣ ему!—крикнулъ онъ, сверкая глазами.—Никогда онъ не получить ее.

Братъ и сынъ, все время молчавшіе, взглянули на него и какъ будто хотѣли остановить; но было ужъ поздно: все лицо его залилось румянцемъ и побагровѣло.

— Не можетъ быть!—прошипѣлъ онъ.

— За что купилъ, за то и продаю,—отвѣтилъ Горошекъ, ударяя себя въ грудь, испугавшись, точно на него наскочилъ дикій звѣрь.—Архіепископъ Богорья и о. Суховильскъ первые стали уговаривать его жениться... За ними явились кастелянъ

Спытко, Лигенза, Одровонжъ и нашъ Пржедиславъ Голуховскій... Они стали умолять его, и наконецъ король сказалъ имъ: „Дайте невѣсту и я женюсь!“ Ну, конечно, стали искать и нашли княжну Ядвигу... Теперь ужъ говорить о свадьбѣ:

Мацекъ стоялъ все въ той же позѣ, побагровѣвшій. Только братъ и сынъ, быть можетъ, знали, что означалъ этотъ гнѣвъ.

Староста высоко хваталъ, очень высоко!.. Онъ самъ хотѣлъ жениться на Ядвигѣ, засѣсть въ Великой Польшѣ съ помощью бранденбурговъ и крестоносцевъ и сдѣлаться удѣльнымъ княземъ.

Борковича принимали на Глоговскомъ дворѣ. У княжны не было поклонника; она хотѣла выйти замужъ и ее хотѣли выдать. Молодая, красивая, смѣлая, веселая, она часто ѣздила на охоту и ей не сидѣлось дома въ своемъ углу.

Мацько спалъ и видѣлъ во снѣ, чтобы обладать ею, и какъ ему казалось, она сочувствовала ему.

Такимъ образомъ всѣ его надежды разбивались при извѣстїи, привезенномъ Горошкомъ, и имъ овладѣлъ ужасный гнѣвъ: онъ стоялъ, волновался и свирѣпѣлъ.

— Силезцы не отдадутъ ее! — крикнулъ онъ, — они отлично знаютъ его!.. Да и кто не знаетъ этого язычника, который мѣняетъ своихъ женъ и любовницъ каждый годъ столько, сколько ему дастъ ихъ Боханъ?!. Не отдадутъ!..

— Не знаю, — отвѣтилъ Горошекъ. — По крайней мѣрѣ, такъ говорятъ при дворѣ... Архіепископъ, прежде чѣмъ сватать ее, былъ увѣренъ, что ее отдадутъ! Объ этомъ всѣ говорятъ...

— А что же онъ сдѣлаетъ съ своей жидовкой и съ сыномъ полу-жидомъ, полу-Пястомъ? — спросилъ Мацько.

— Должно быть жидовка останется про запасъ... Говорятъ, что онъ сильно привязался къ ней, такъ что и дня не можетъ прожить безъ нея...

— Скажи лучше — ночи! — крикнулъ Борковичъ, стукнувъ кулакомъ по столу. — Вѣдь ужъ онъ продалъ насъ въ венгерскую неволю... такъ зачѣмъ ему сынъ?

— Ну, венгерцы-то и не допустить до женитьбы! — наконецъ отозвался его братъ Янъ. — Они сумѣютъ это сдѣлать.

Мацько мало-по-малу охладѣлъ и опять сѣлъ на скамейку. Горошекъ, плотно поѣвъ и попивъ, вытеръ усы полкой своего грязнаго кафтана.

Настало краткое молчаніе, во время котораго Мацько могъ подумать, что отвѣтить, чтобы не выдать себя.

— Такъ ты говоришь, что ужъ поговариваютъ о свадьбѣ? — спросилъ онъ, помолчавъ.

— Да, и хотять отпраздновать ее блестящимъ образомъ, чтобы стереть память о свадьбѣ съ Рокичаной...

— Что говорятъ о насъ?.. — перебилъ онъ Горошка. — Что говорятъ о нашемъ договорѣ, который мы заключили между собою?.. Вѣдь я самъ донесъ о немъ королю...

— Онъ знаетъ о немъ, но считаетъ его ничего не значущимъ. При дворѣ говорятъ, что въ немъ ничего не заключается, кромѣ безопасности отъ негодяевъ...

Мацько ничего не возразилъ и, быть можетъ, продолжалъ бы спрашивать, если бъ въ комнату не вошелъ Шкура. Последний шепнулъ ему что-то на ухо. Но не успѣлъ онъ кончить, какъ на порогѣ появился Вержбентъ, о которомъ только что была рѣчь, что онъ въ Краковѣ.

Съ этимъ человѣкомъ Мацько никогда не былъ въ хорошихъ отношеніяхъ: онъ боялся его и не могъ расположить въ свою пользу. Между тѣмъ Вержбентъ пользовался королевскими милостями, былъ честенъ, серьезенъ и твердъ. Взглянувъ на него, нельзя было не почувствовать къ нему уваженія, ибо онъ самъ себя уважалъ, цѣнилъ и принадлежалъ къ тѣмъ людямъ, которыхъ не подкупишь никакою лестию.

При входѣ его Бораковичъ вскочилъ и сдѣлалъ какой-то знакъ брату и сыну, очевидно, убрать со стола, на которомъ стояли миски и тарелки съ недоѣденными остатками пищи, кусками хлѣба, отрывками костей и недопитыми кубками, благодаря чему комната имѣла видъ какой-то харчевни, въ которой веловко было принимать такого значительнаго гостя.

Словомъ, въ комнатѣ царствовалъ полнѣйшій хаосъ, нѣкоторыя скамейки стояли поперекъ избы, а нѣкоторыя — были опрокинуты вверхъ ногами; собаки становились лапами на столъ, локали изъ мисокъ, стаскивали остатки мяса и костей, лизали тарелки и грызлись между собою.

Мацько съ гордымъ видомъ подошелъ встрѣтить гостя.

Вержбентъ, не обращая вниманія на все окружающее, медленно подошелъ къ старостѣ.

— Простите,—отозвался хозяинъ,—что у меня, хотя я и дома, какъ въ харчевнѣ... Я простой солдатъ и всегда живу какъ на бивуахѣ, а потому неприхотливъ и въ моемъ жилищѣ не пахнетъ изысканнымъ ароматомъ...

— Для меня безразлично,—отвѣтилъ Вержбентъ, — благо васъ засталъ дома, а больше мнѣ ничего не нужно.

Староста очистилъ мѣсто на скамьѣ, предложилъ ему сѣсть и самъ сѣлъ подлѣ него.

Братъ и сынъ удалились звать слугъ и чрезъ минуту комната переполнилась мужской и женской челядью, которая начала убирать столы и комнату, выгонять палками и ногами собакъ, которыя съ визгомъ и ворчаньемъ уходили вонъ. Поднялся такой шумъ и гамъ, что въ первыя минуты нельзя было ничего слышать и говорить, благодаря чему Борковичъ увелъ гостя въ другую комнату, въ которой тоже царствовалъ полнѣйшій безпорядокъ. Въ углу стояла не застланная и грязная какъ медвѣжья берлога, постель, вездѣ валялась разбросанная одежда, на стѣнахъ висѣло въ безпорядкѣ оружіе и лучшее платье... Хозяинъ покраснѣлъ, проклиная въ душѣ своихъ слугъ.

Тѣмъ не менѣе, они сѣли на лавку.

— Я пріѣхалъ прямо изъ Кракова,—отозвался Вержбентъ. — Король приказалъ кланяться вамъ...

Борковичъ поклонился.

— Дай Богъ ему здравствовать многія лѣта!—тихо отвѣтилъ онъ.

— Онъ разспрашивалъ меня о Великопольшѣ,—продолжалъ гость,—но я немного могъ ему сказать, потому что и самъ мало знаю о ней. Скорѣе вы или вашъ дядя Веньяминъ могли бы все рассказать...

— Да я ужъ и то собирался поѣхать къ нему послѣ моего письма,—отвѣтилъ Мацько, крикнувъ, — я самъ хотѣлъ доложить ему все въ подробности, но у насъ столько дѣла, что старостѣ ни на шагъ нельзя отлучиться. Бенько старъ и мѣшкотенъ, а потому вся тяжесть падаетъ на меня...

— Во всякомъ случаѣ,—сказалъ Вержбентъ, внимательно выслушавъ Мацьку,—кто-либо временно можетъ замѣнить васъ и вы пріѣдете хоть на свадьбу.

Напоминаніе о ней до того опять взволновало старосту, что онъ едва удержался, чтобы не выдать себя.

— На какую свадьбу?—спросилъ онъ съ притворствомъ.

— Развѣ вы не знаете, что король внялъ моленью всѣхъ и согласился жениться?

— Еще разъ?!

— Что-жъ? Вѣдь онъ еще не старъ!

— А обѣщанный Людовику престолъ?

— Вѣдь вы знаете, что въ обѣщаніи имѣется оговорка, что если у него не будетъ своего прямого наслѣдника...

— Въ добрый часъ!..—проворчалъ Борковичъ.—Но король ужъ не молодъ... Если онъ подберетъ себѣ невѣсту по своимъ годамъ, то ему не дожидаться наслѣдника, а если ему дадутъ молодую... Онъ не кончилъ и покачалъ головою.

— Ему сватаютъ Ядвигу Силезскую...—сказалъ гость.

Борковичъ пожалъ плечами.

— Что мнѣ сказать на это? Дай Богъ счастья, хотя, признаться, я не предвижу его, — замѣтилъ хозяинъ.

Вержбентъ помолчалъ немного и потомъ прибавилъ:

— Поѣзжайте въ Краковъ и представьтесь королю... Таковъ мой совѣтъ. Тамъ разные люди могли объяснить ваше письмо по свсему, а когда вы сами доложите ему все по порядку, то онъ перестанетъ бояться его...

— Вѣдь тамъ сказано, что мы остаемся вѣрными ему!—воскликнулъ онъ.—Конечно, я знаю, что у меня есть враги. Злые языки на все способны...

— Зато король неспособенъ повѣрить первому встрѣчному, — возразилъ Вержбентъ, помолчавъ, — а потому онъ и не принялъ близко къ сердцу этого письма... Ему можетъ быть только непріятно, что одна его земля вьжется между собою какими-то договорами и намѣревается отдѣлиться отъ него, тогда какъ онъ хлопочетъ о соединеніи всѣхъ земель вмѣстѣ и слитіи воедино.

— Никто и не думаетъ отдѣляться,—сказалъ Борковичъ, потирая свой лобъ,—но дворяне привыкли испоконъ вѣковъ придерживаться въ своихъ земляхъ древнихъ правъ и обычаевъ. Таковую Польшу хотѣлъ создать и Кривоустъ, въ которой-бы было много пановъ, а надъ всѣми ими стоялъ и король.

Мацько Борковичъ оживился, говоря какъ будто съ полной откровенностью, а потому продолжалъ:

— Съ государствомъ, какъ съ недвижимымъ имуществомъ. Если-бъ я вздумалъ хозяйствовать одинъ во всѣхъ помѣстьяхъ, то ничего бы не видалъ и ни зачѣмъ бы не досматрѣлъ, какъ слѣдуетъ. Поэтому я держу управляющихъ, передаю имъ мою власть и требую отъ нихъ отчета. Точно также должно идти и въ государствѣ, и чѣмъ больше оно, тѣмъ больше должно быть удѣльныхъ управителей, которые имѣли-бы право распоряжаться самостоятельно, какъ имъ вздумается.

— Конечно,—возразилъ Вержбентъ, — король вправѣ поставить намѣстниковъ во всѣхъ своихъ крѣпостяхъ, но Зѣмовить Мазовецкій...

— Такихъ, какъ Зѣмовить, нужно побольше!— оживленно прервалъ его староста,—и поменьше всякихъ намѣстниковъ, потому что они не пользуются полною властью и поэтому ничего не могутъ сдѣлать.

— Не забывайте, что благодаря такимъ Зѣмовитамъ Поморье отошло отъ насъ!—возразилъ нахмурысь Вержбентъ.

Борковичъ увлекся, спохватился и умолкъ.

— Не наше дѣло этимъ распоряжаться, — продолжалъ гость.— У короля вся власть, и что онъ сдѣлаетъ, то и хорошо; а онъ не глупый и у него не мало хорошихъ и честныхъ совѣтниковъ.

Борковичъ сморщился и презрительно скривилъ свое лицо.

Хотя въ его домѣ царствовалъ хаосъ, но, по обычаю, нельзя было отпустить гостя, не предложивъ ему отвѣдать хлѣба-соли, а потому собрали опять на столъ, что Богъ послалъ, и Вержбентъ вынужденъ былъ сѣсть и переломить съ хозяиномъ хлѣбъ. Но ни ѣда, ни напитки гостю, казалось, не шли на умъ, да и Борковичъ, вообще любившій угощать, не настаивалъ на томъ: они только выпили за здоровье другъ друга, чокнувшись кубками, и гость, лошади котораго стояли у крыльца, скоро началъ откланиваться, ссылаясь на то, что ему надо ѣхать по какому-то спѣшному дѣлу.

Борковичъ проводилъ его до сѣней и затѣмъ, вернувшись въ комнату, задумчиво упалъ на скамейку, задергалъ бороду и началъ выказывать свое волненіе. Очевидно, оно вызывалось

не приѣздомъ Вержбента и не призывомъ его въ Краковъ, а подтвердившимися извѣстіями, что Ядвига Глоговская выходитъ за короля.

Онъ чрезвычайно безпокоился, и когда его братъ Ясько вошелъ въ комнату, онъ издали крикнулъ ему:

— Я долженъ ѣхать и лично убѣдиться, въ какомъ положеніи мои дѣла... Иначе дѣвушку могутъ насильно выдать замужъ.. Она симпатизируетъ и сочувствуетъ мнѣ, и, если удастся, то я готовъ увезти ее и жениться!

Ясько съ сомнѣніемъ покачалъ головой.

— Поѣхать-то легко, но надо обдумать, какъ бы не попасть впросакъ... Это уголовное дѣло и можетъ стоить жизни... невѣста короля...—разсудительно замѣтилъ Ясько.

— Еще не извѣстно, невѣста-ли!.. Даже сговорена-ли...—возразилъ Барковичъ.—Рукобיתъ должно быть еще не было... Необходимо поѣхать въ Глоговъ, или гдѣ она находится, и постараться увидѣться съ нею.

Онъ приказалъ тотчасъ снаряжать лошадей.

Въ виду того, что приказанія хозяина исполнялись немедленно, то, пока онъ переодѣвался, кони и люди ужъ были готовы. Сынъ оставался въ Козьминѣ ожидать его возвращенія.

По дорогѣ онъ узналъ, что Ядвига дѣйствительно находилась въ Глоговѣ, въ которомъ она ждала послѣднихъ словъ изъ Кракова. Всѣ ужъ говорили, что свадьба рѣшена. Мацько сѣвшилъ. Онъ не поѣхалъ въ замокъ и даже не появился въ немъ, а остановился въ гостиницѣ, откуда и послалъ хлопца къ гофмейстеринѣ съ просьбой прійти къ нему.

Благодаря тому, что каждая ея услуга щедро оплачивалась, она отвѣтила посланному, что вечеромъ постарается прійти.

Въ ожиданіи ея Борковичъ не могъ даже присѣсть: онъ сильно волновался и ходилъ по комнатѣ.

Наконецъ сдѣлалось совсѣмъ темно, когда на порогъ появилась уже немолодая женщина, закутанная въ плащъ до неузнаваемости. При дворѣ ее называли по имени мужа—Кондратьевной. Она умѣла всѣхъ расположить къ себѣ, въ особенности княжну, которую почти выпяничла, побижала и позволяла ей дѣлать все, что та вздумала. Старуха съ каждымъ разговаривала иначе, поддакивала всѣмъ, льстила и услуживала.

Однако появленіе Кондратьевны не обѣщало ничего хорошаго: она пришла съ нахмуреннымъ и сильно озабоченнымъ лицомъ. Оставшись наединѣ съ Мацькой, она сложила свои худыя руки и поспѣшно тихимъ голосомъ произнесла:

— Вы ужъ все знаете?.. О, сколько слезъ пролила княжна!.. Но это ни къ чему... Ей не позволяютъ отказаться отъ короны, хотя бы она, ради васъ, охотно отвергнула ее.

— Если ея сердце лежитъ ко мнѣ, то она должна быть храброй и ничего не бояться! — воскликнулъ Борковичъ. — Я увезу ее и насъ не догонять!.. Я готовъ собрать сто, двѣсти человѣкъ для этого...

Кондратьевна затряслась, какъ въ лихорадкѣ.

— Но съ нея не спускаютъ глазъ, и если бъ она даже согласилась бѣжать изъ этой тюрьмы, то не можетъ!

— Я готовъ силой ворваться въ замокъ... Гарнизонъ не значителенъ, и если она согласится, то пусть только скажетъ.

Смущенная Кондратьевна молчала, качая головою.

— Если она дѣйствительно сочувствуетъ мнѣ, — продолжалъ Борковичъ, — то я готовъ пожертвовать своей жизнью.

— Конечно, конечно, сочувствуетъ, — пробурчала старуха, — даже очень сочувствуетъ, и я это знаю больше, чѣмъ кто другой. Знаю также и то, что она не хочетъ выходить замужъ за этого короля, который сдѣлалъ такъ много женщинъ несчастными. Какая же ей охота отнимать любовника у жиловки... Всѣмъ извѣстно, что у него была любовницей какая-то Эсеирь...

— И теперь есть! — воскликнулъ староста.

— Но, что же она, бѣдная, станетъ дѣлать, когда родные приказываютъ ей!.. У женщинъ нѣтъ своей воли, а это — король!

Борковичъ сдѣлалъ проницескую гримасу. Кондратьевна посмотрѣла на него.

— О насильственномъ похищеніи нечего и думать, прибавила она. — Ядвига ни въ какомъ случаѣ не рѣшится подвергнуть васъ опасности и скорѣй сама погибнетъ.

Она призадумалась на минуту, потомъ прикоснулась къ его рукѣ, наклонилась уху и таинственно зашептала:

— Зачѣмъ вамъ покушаться и идти противъ такой силы? Она никогда не полюбитъ короля... Ей приказываютъ и она пойдетъ... а вамъ то и хорошо... Лучше быть любимцемъ ко-

ролевы, чѣмъ жертвовать своей головой. Вы только подумайте! Она расположена къ вамъ, вы будете ѣздить ко двору, а чрезъ нее и у короля достигните, чего захотите!

При этомъ она схватила его за руку и убѣдительно прибавила, что лучшаго ему никто не посовѣтуетъ.

Барковичъ призадумался и нашелъ, что Кондратьевна права. Похищать княжну представлялось большой опасностью. За ними могла быть погоня, ихъ могли схватить и тогда пришлось бы поплатиться жизнью. Кромѣ того, и княжна, какъ было видно изъ словъ гофмейстерины, едва-ли рѣшится подвергнуть себя и его опасности... Перспектива имѣть на своей сторонѣ королеву и быть ея любимцемъ — улыбалась ему...

Кто знаетъ, какія еще мысли промелькнули въ головѣ старосты, но онъ больше не говорилъ о похищеніи и замолчалъ. Старуха, видя его омраченнымъ, старалась утѣшить описаніемъ того, какъ княжна плакала по немъ и какъ заламывала руки. Но Борковичъ воочію хотѣлъ убѣдиться въ этомъ и просилъ ее устроить ему тайное свиданіе съ нею; но Кондратьевна находила опаснымъ назначать его именно въ тотъ моментъ, когда къ ней должны были пріѣхать послѣдніе королевскіе послы.

Но чѣмъ больше она упиралась, тѣмъ больше онъ настаивалъ. Наконецъ, значительный подарокъ смягчилъ ее, — и она сказала, что ему придется подождать день или два, пока ей удастся найти удобный случай, приготовить княжну, удалить лишнихъ людей и все устроить такъ, чтобъ княжна могла принять его, не рискуя быть замѣченной.

Она ушла. Староста согласился ждать. Онъ велѣлъ закрыть ставни своей комнаты, чтобы никто не видѣлъ его, и провелъ весь слѣдующій день наединѣ съ братомъ.

Насталъ вечеръ, но никто изъ замка не являлся и онъ ждалъ второй день...

Какъ и чѣмъ кончилось это — не извѣстно, но Борковичъ уѣхалъ на третій день передъ утромъ, до разсвѣта, улыбающийся и веселый. Онъ бесѣдовалъ съ братомъ, показывалъ ему перстень на пальцѣ, котораго прежде у него не было, ругалъ короля и грозилъ ему...

Пріѣхавъ въ Козьмино, онъ тотчасъ заговорилъ объ отъ-

ѣздѣ въ Краковѣ, и хотя сердился на Казимира, но долженъ былъ поѣхать къ нему.

Собравъ нѣсколько великополянъ, состоявшихъ съ нимъ въ союзѣ и подписавшихся подъ извѣстнымъ договоромъ, онъ по-неволѣ долженъ былъ поѣхать съ ними въ Краковѣ, принявъ на себя такой видъ какимъ онъ долженъ быть и какъ ему было нужно. Сендивой, Налейчъ, Шеура, кастелянъ Пржецлавъ и судья Николай поѣхали вмѣстѣ съ нимъ.

За старостой шли возы и кованные сундуки, покрытые сукнами и кожами. Въ нихъ онъ везъ деньги. Будучи самъ жаденъ до нихъ, онъ думалъ, что съ ними все можно сдѣлать и всего достигнуть.

Однако, подъѣзжая къ Кракову, его смѣлость начала ослабѣвать, и онъ началъ беспокоиться... Тѣмъ не менѣе, онъ весело въѣхалъ въ столицу и шепнулъ своему брату:

— Всѣ дураки будутъ у меня въ карманѣ.

Когда ужъ былъ рѣшенъ день свадьбы, въ королевской усадбѣ Лобзовѣ подъ Краковомъ, среди красивѣйшихъ старыхъ деревьевъ въ далекой чащѣ липъ, была вырублена, по приказу самого короля, большая площадь, на которой начали строить каменный домъ.

Никто не зналъ, для кого и для чего онъ предназначался, но на постройку его были согнаны всѣ лучшіе работники и мастера, работавшіе въ замкѣ, и домъ, точно по мановенію волшебнаго жезла, росъ какъ будто изъ земли, не по днямъ, а по часамъ. Король пріѣзжалъ почти каждый день осматривать ее и наблюдать за скоростью работъ. Вокругъ дома приказано было развести фруктовый садъ, разбить цвѣтники, построить конюшни, амбары, круглую сокровищницу въ видѣ башни въ одномъ углу дома и разныя угодыя. Все это обносилось крѣпкой каменной стѣною, на подобіе замка... Строившіе эту виллу называли ее королевскимъ дворцомъ, который, по догадкамъ, долженъ былъ служить королю тихимъ убѣжищемъ въ горькія минуты жизни, временнымъ отрѣшеніемъ отъ государственныхъ дѣлъ и мѣстомъ отдохновенія. Поэтому ее и строили, какъ для короля, съ каменными сводами внизу и рѣзными потолками вверху.

Какъ-то одинъ изъ мастеровъ спросилъ короля, не прика-

жеть ли онъ вырѣзать на дверяхъ какіе-либо гербы, но король приказалъ сдѣлать ихъ гладкими, безъ всякихъ признаковъ какихъ-либо эмблематическихъ изображеній.

Любопытные люди ломали головы, какой это будетъ домъ, тѣмъ болѣе, что онъ строился съ величайшею поспѣшностью, такъ чтобы быть готовымъ ко дню королевской свадьбы.

Тайну эту, быть можетъ зналъ только одинъ Коханъ, который умѣлъ не только догадываться, но и подслушивать.

Однажды король, до постройки дома, пришелъ грустный къ Эсеири и началъ жаловаться, что его торопятъ жениться и назначить день свадьбы. Прекрасная еврейка, державшая на рукахъ своего сына Пелку, болѣзненного и слабаго ребенка, головка котораго покоилась на плечѣ, — подошла ближе къ королю и спросила:

— Если такъ, то могу ли я оставаться въ Краковѣ? Разумѣется, мнѣ не хотѣлось бы удалиться, но и сидѣть на глазахъ у злыхъ людей съ ребенкомъ тоже будетъ непріятно... Тѣсно намъ и душно въ каменныхъ стѣнахъ; но и тебѣ, государь, не будетъ хорошо съ нами... Донесутъ женѣ и... кто знаетъ?.. Злыхъ людей наплюютъ на меня и я лишусь возможности подойти къ окну или выйти на улицу...

— Ну, бѣжать-то тебѣ нѣтъ причины! — прервалъ ее король. — Я женюсь не для себя, а для нихъ, и, кромѣ тебя, у меня не будетъ иныхъ... Однако, куда бы ты хотѣла уѣхать?

— Не знаю, — отвѣтила Эсеири, смотря на засыпающаго ребенка. — Хотѣлось бы жить неподалеку отъ тебя... отъ города... куда прикажешь и куда пошлешь... только не здѣсь...

Король подумалъ и наконецъ отозвался:

— Въ Лобзовѣ много зелени и старыхъ деревъ, къ тому же и мѣсто хорошее, но жаль, что тамъ нѣтъ для тебя готоваго дома... И мнѣ изъ Кракова было бы — рукой подать... Въ лобзовской зелени тебя никто бы и не замѣтилъ и ты сидѣла бы тамъ, какъ птичка въ своемъ гнѣздышкѣ...

— Какъ хотите! — воскликнула Эсеири съ очаровательной улыбкой. — Я никогда и не о чемъ не просила васъ, но объ этомъ... готова умолять на колѣняхъ... Въ Лобзовѣ намъ будетъ лучше, чѣмъ въ Краковѣ...

Король принялъ къ свѣдѣнію ея слова и на слѣдующій же

день отправился съ архитекторомъ осматривать мѣсто для постройки и приказалъ немедленно приступить къ работамъ.

Хотя еще было тайной, для кого предназначена эта вилла, но ужъ люди поговаривали, что она построена специально для Эсеири, и предвидѣли въ томъ, что король не порветъ съ ней своихъ отношеній. Ее не любили окружавшіе короля, потому что не могли ничего достигнуть посредствомъ ея. Она не принимала подарковъ, не позволяла себѣ быть посредницей и не любила льстецовъ.

Если бъ Эсеиръ хотѣла, то она имѣла бы на него большое вліяніе; но она не желала злоупотреблять своей силой и только заботилась объ угожденіи ему и сердечной любви...

Одно только король находилъ у нея всегда, — желалъ ли онъ, или не желалъ, — извѣстія изъ разныхъ странъ государства, касавшіяся его особы, безопасности страны или имущества... Съ ними она смѣло подходила къ нему и, донесши о томъ, что она считала важнымъ, переходила къ обыденнымъ темамъ разговора...

Черезъ нее же онъ узналъ о заговорѣ Мацьки Борковича, и хотя въ большинствѣ случаевъ оправдывалось то, что она говорила, но на этотъ разъ онъ хотѣлъ провѣрить самъ и вызвалъ его для объясненій. Ему показалось, что Мацьку подозревали изъ-за излишняго усердія къ нему.

Борковичъ, прибывъ въ Краковъ, въ которомъ онъ имѣлъ большія связи и знакомство, тотчасъ узналъ откуда-то и неизвестно какимъ путемъ, что обвиненіе его въ заговорѣ исходило впервые отъ Эсеири.

Онъ смѣло явился къ королю, какъ человѣкъ, на котораго взвели напраслину, билъ передъ нимъ челомъ и говорилъ съ такимъ возмущеніемъ, что успѣлъ убѣдить короля въ своей невинности.

Узнавъ, что король узналъ объ его измѣнѣ отъ Эсеири, Борковичъ рѣшился повидаться съ нею и расположить ее къ себѣ. Онъ не зналъ ее и не хотѣлъ вѣрить тому, что о ней говорили, представляя ея себѣ легковѣрной, пустой, гордой, жадной и легкодоступной.

Смѣлый, богатый и привыкши всегда исполнять свои намѣренія, онъ собрался къ ней однажды утромъ, прихвативъ съ собою великолѣпное ожерелье, предназначенное ей въ подарокъ.

Борковичъ явился съ однимъ изъ придворныхъ и, не заставъ хозяйки въ первой комнатѣ, велѣлъ служанкѣ доложить о себѣ.

Онъ надѣялся, что Эсфирь моментально выйдетъ къ нему, но ошибся, и ему пришлось долго ждать, пока поднялась драпировка одной двери и изъ-за нея показалась женская фигура.

Не столько красота Эсфири бросилась ему въ глаза, сколько ея величественность, благородство и достоинство, съ которыми она окинула его взглядомъ. Мацько былъ настроенъ на веселый разговоръ, но, при видѣ ея, осѣкся и робко заговорилъ:

— Имѣю честь быть Мацькой Борковичемъ, — представился онъ, подходя къ ней съ легкимъ поклономъ. — Я пріѣхалъ къ королю съ поклономъ, а потому счелъ себя обязаннымъ явиться къ вамъ и поручить себя вашему милостивому вниманію.

Хозяйка нахмурила брови, слушая его льстивую рѣчь.

— Кто любитъ своего государя, — прибавилъ онъ, вынимая изъ-за пазухи ожерелье, — тотъ цѣнитъ все любимое имъ... Будьте милостивы и снисходительны ко мнѣ... не пренебрегите симъ незначительнымъ подаркомъ...

Эсфирь покраснѣла и отступила назадъ.

— Благодарю васъ! — отвѣтила она, смѣло мѣрая его взглядомъ. — Я не привыкла ни отъ кого принимать подарковъ, кромѣ моего повелителя. Объ этомъ вамъ скажутъ всѣ люди, если вы пожелаете справиться...

Борковичъ хотѣлъ настоять, но, получивъ такой отвѣтъ, сильно смутился и растерялся. Онъ не ожидалъ встрѣтить такую суровую и недоступную женщину, а потому не нашелся даже сразу что отвѣтить.

Волей или неволей, онъ вынужденъ былъ спрятать на мѣсто свой подарокъ и, находясь въ неловкомъ положеніи, молчалъ, пока не собрался съ духомъ.

— Меня оклеветали злые люди передъ государемъ, заподозривъ въ предосудительныхъ поступкахъ, — отозвался онъ подумавъ, — и я хотѣлъ просить васъ защитить меня.

— Я не вмѣшиваюсь ни въ какія королевскія дѣла, возразила Эсфирь, — и объ этомъ вы легко узнаете отъ другихъ...

— Однако же всѣ говорятъ, что вы знаете обо всѣмъ, — замѣтилъ Борковичъ съ ироніей.

— Сами видите, что я плохо знаю, — прервала его еврейка,

отвѣчая ему ироніей на иронію. — У насъ ходили слухи, что вы состоите въ большой дружбѣ съ Бранденбургами; но, очевидно, это ложь, если вы осмѣлились явиться къ королю...

Такой неожиданный отвѣтъ поставилъ втупикъ Борковича: онъ онѣмѣлъ и стоялъ, покраснѣвъ какъ ракъ.

— Такимъ образомъ, вы, милостивый государь, вовсе не нуждаетесь въ моей защитѣ...—прибавила она.

Мацекъ уперся одной рукою въ бокъ, а другой задержалъ свою бороду. Эсѣиръ смѣло смотрѣла на него, какъ бы желая проникнуть вглубь его души и изучить его.

— Вѣроятно и то ложь,—продолжала она, не дождавшись отвѣта, который замѣнила злая улыбка на его лицѣ,—что вы были въ близкихъ отношеніяхъ съ силезскимъ дворомъ и, въ особенности, съ невѣстой короля.

Тайна, высказанная ему устами Эсѣири прямо въ глаза, привела его въ изумленіе и у него невольно сорвалось проклятіе.

— Разумѣется, я не разъ бывалъ на Глоговскомъ дворѣ. —воскликнулъ онъ горячо и рѣзко, — и нисколько не скрываю того... Я участвовалъ въ турнирахъ и не разъ танцевалъ съ княжной побѣдный рыцарскій танецъ...

Эсѣиръ слушала.

— Неужели и изъ этого еще сдѣлали какую-то шлетню?!.. — воскликнулъ онъ съ возмущеніемъ. — Значить, я справедливо просилъ васъ быть моей защитницей.

— Сами сумѣете оправдаться,—холодно отвѣтила она.

Борковичъ, мало-по-малу, вернулся къ своему наглому тону.

— Вамъ тоже, вѣроятно, придется не по вкусу новая королева!.. дерзко разсмѣялся онъ: — придется дѣлиться съ ней королевствомъ... А правду сказать, она — красива, молода, прелестна...

Эсѣиръ покраснѣла.

— Слава Богу!—отвѣтила она,—тѣмъ лучше, и я уѣду изъ Кракова.

— И не станете обижаться на короля?!—зло разсмѣялся Мацекъ.

— Ни обижаться, ни сердиться! — возразила Эсѣиръ. — Королю нуженъ наслѣдникъ престола, и дай Богъ ему дожидаться его отъ этой жены...

Борковичъ слушалъ и не вѣрилъ своимъ ушамъ. Но ему

ужь не о чемъ было говорить съ нею: ему не повезло, а потому онъ нахмурился и съ грустью сказалъ:

— Будьте ласковы и милостивы ко мнѣ.

Эсѣиръ промолчала и староста ушелъ. Онъ не могъ прійти въ себя отъ удивленія и въ тотъ же день, будучи у Неорзы и встрѣтившись тамъ съ пріятелями, подѣлился съ ними своими впечатлѣніями.

— Видѣлъ ли кто изъ васъ эту жидовку?— спросилъ онъ. — Мало того, что она не дурна собою, хотя ужь и увядаетъ,— но эта баба подкована на всѣ четыре ноги!.. Я былъ у нея сегодня и снесъ ей ожерелье, за которое дорого заплатилъ и могъ бы подарить его хоть королевѣ, но она не приняла. Она разговаривала со мною такъ, какъ будто въ самомъ дѣлѣ была королевой, а не любовницей и не дѣвкой изъ Опочна... Говорить, что она уѣзжаетъ изъ Кракова...

Нѣкоторые сомнѣвались.

— Но... но... какъ же онъ будетъ жить безъ нея?!— закричали они. — Не проходитъ дня, чтобы онъ не былъ у нея... Видно она дала ему какого-то снадобья которымъ приворожила... Вѣдь, онъ всѣ знаютъ такія средства, и теперь онъ не вывернется изъ ея рукъ!

Возмущеніе противъ Эсѣири, которое царствовало вначалѣ ея отношеній съ королемъ,—значительно поулеглось и погасло. Духовенство было увѣрено, что она уйдетъ передъ королевой... Всѣ ждали. А такъ какъ всякое впечатлѣніе мало-по-малу улетучивается само собою, то и люди, привыкшіе слышать объ этой связи короля, не придавали тому большого значенія. Многихъ Эсѣиръ обезоружила тѣмъ, что она не кичилась своимъ счастьемъ и не злоупотребляла имъ.

Пока дѣло дошло до свадьбы, домъ въ Лобзовѣ былъ уже готовъ. Эсѣиръ поѣхала въ закрытой каретѣ осмотрѣть его и, найдя тамъ полно всякихъ подарковъ, которыхъ не ожидала отъ короля, не могла скрыть своей радости. Домъ былъ и обширнѣе и удобнѣе, чѣмъ ея; а расположеніе комнатъ, устройство и обстановка ихъ доказывали, что король не думалъ оставить ее, потому что нѣсколько комнатъ были предназначены лично для него; отведенныя же ей были такъ украшены, что въ нихъ можно было принимать только такихъ гостей, какъ король.

Вскорѣ затѣмъ изъ Кракова потянулись возы съ сундуками, разными вещами и слугами, а потомъ и она сама, съ большимъ Пелкой на рукахъ, перекочевала на новоселье. Такъ какъ въ городѣ ничего нельзя было утаить, то черезъ два дня ужъ всѣ знали, что Эсеиръ переселилась, въ Лобзовъ.

Въ этомъ домѣ Эсеиръ была вынуждена увеличить штатъ своихъ слугъ, и Казимиръ посовѣтовалъ ей держать, для безопасности, нѣсколько человѣкъ хорошо вооруженныхъ людей.

Здѣсь Эсеиръ повела новую жизнь, чувствуя себя гораздо свободнѣе, чѣмъ въ Краковѣ, и стала жить на болѣе широкую ногу. Здѣсь ужъ любопытные и дерзкіе нахалы не смѣли заглядывать ей въ глаза или слѣдить за нею... Поэтому, понадобились и повозки, и экипажи, и крытыя кареты, а къ нимъ лошади и слуги, которыхъ, при надобности, можно было бы употребить для всякихъ услугъ и посылокъ въ городъ.

До настоящаго времени около Эсеири служивали только жида и жидовки, потому что евреямъ было запрещено держать въ услуженіи христіанъ. Но къ ней пріѣзжалъ король, а потому она должна была держать для него особую челядь, которая, въ то же время, могла служить и ей.

Маленькій Пелка былъ болѣзненный, и королевскій докторъ долженъ былъ ѣздить каждый день изъ замка въ Лобзово, куда дворяне старались тоже проникнуть подъ разными предлогами, въ надеждѣ снискать своими услугами милость Эсеири и короля. Но она была постоянна, никогда не утруждала его никакими просьбами и не принимала на себя никакого посредничества.

Время королевской свадьбы приближалось и къ ней дѣлали большія приготовленія. Напрасно королева Елисавета слала своихъ гонцовъ, не совѣтуя брату жениться и предрекая ему несчастную жизнь, но ужъ было все рѣшено.

Въ замкѣ все ужъ было приготовлено къ свадьбѣ и назначенъ день для совершенія обряда, какъ вдругъ изъ Венгріи пріѣхалъ довѣренный Елисаветы, венгерецъ Альмази, съ тайнымъ порученіемъ которое онъ долженъ былъ передать словесно королю. Но всѣ такія интриги выводили изъ терпѣнья Казимира и скорѣе понуждали покончить, чѣмъ отложить свадьбу, и онъ съ большой неохотой принялъ посла. Изъ его вступительной и ви-

тиватой рѣчи король понялъ, что онъ хотѣлъ сказать что-то необыкновенное. Ловкій и хитрый венгерецъ началъ съ торжественныхъ увѣреній, что королева Елисавета, руководимая добрыми побужденіями и заботой о счастіи своего брата, рѣшилась узнать обо всѣмъ, что касалось княжны Ядвиги...

Далѣе онъ объявилъ отъ имени королевы, что всѣ свѣдѣнія и справки взяты ею изъ самыхъ достовѣрныхъ источниковъ, заслуживающихъ довѣрія, и что справки эти были далеко не въ пользу княжны: дѣвушка оказалась вѣтренной, любящей забавы и свободно держащей себя какъ съ молодыми, такъ и пожилыми мужчинами. Королева ручалась, что между многими лицами, бывавшими при силезскомъ дворѣ, ближе всѣхъ стоялъ къ княжнѣ обезславленный Мацько Борковичъ, который, будучи влюбленъ въ нее, посылалъ ей подарки и имѣлъ тайныя свиданія, устраиваемыя ея старой гофмейстериней.

Казиміръ возмущился этой клеветой, вскочилъ съ мѣста и сказалъ Альмази, что все это одинъ вымыселъ и невѣроятная ложь... Дальше онъ не позволилъ ему говорить и взволнованно прибавилъ:

— Скажите сестрѣ моей, что я очень благодаренъ за ея заботу обо мнѣ, но вѣдь я и самъ не слѣпой. Прежде чѣмъ прійти къ соглашенію, мы тоже наводили справки...

Послѣ этого Альмази не могъ ничего прибавить и, видя короля разгнѣваннымъ, откланялся.

Въ этотъ вечеръ король больше чѣмъ-когда либо откровенничалъ съ Эсѣирью, огорчался и упрекалъ въ неблагодарности людей. Эсѣирь старалась утѣшить его, указывая на то, сколько онъ сдѣлалъ добра своему государству за время своего царствованія.

— Моему племяннику Людовику ужъ черезчуръ хочется обладать Польшей, — сказалъ онъ печально. — Правда, что два соединенныя государства сдѣлаются сильнѣе и легче могутъ отражать нападенія враговъ, но и Польша, виѣстѣ съ возвращеннымъ Поморьемъ, Мазовіей и Русью, можетъ постоять за себя, ибо она достаточно сильна... Они хотятъ, чтобы я остался безъ наслѣдника!.. Сегодня у меня былъ венгерскій посолъ и рассказалъ мнѣ какую-то глупую басню, будто княжна Ядвига легкомысленно являлась съ простыми людьми и даже была въ близкихъ отношеніяхъ съ Мацькой Борковичемъ...

Король разсмѣлся и пожалъ плечами.

— Все валить на Борковича съ очевиднымъ намѣреніемъ сдѣлать его козломъ отпущенія... Онъ и въ заговорѣ противъ меня, онъ и измѣнникъ, онъ и съ невѣстой моею имѣетъ тайныя свиданія, онъ посягаетъ на мое спокойствіе и честь моей короны... все онъ!.. Но что же это за человѣкъ, что на все посягаетъ?!

Говоря это, король взглянулъ на Эсеиръ, которая стояла съ сложенными руками и печально склоненною головкой, обрамленною черными волосами. Ея лицо не выказывало ни возмущенія, ни недовѣрія, и это бросилось королю въ глаза...

— Ваше величество! — отозвалась она, подумавъ и помолчавъ. — Борковичъ — очень дерзкій, горячій и надменный человѣкъ, а такіе люди, какъ онъ, часто протягиваютъ руку къ тому, о чемъ другой не смѣетъ даже подумать. Сплетня, рассказанная вамъ венгерскимъ посломъ, носится по свѣту и я слышала ее. Разумѣется, я не вѣрю, но люди ее повторяютъ...

Она тряхнула головкой; король нахмурился.

— Ничтожная ложь, придуманная тѣми, кому мѣшаетъ моя женитьба! — воскликнулъ онъ. — Ты сама знаешь, что Борковичъ былъ въ Краковѣ, объяснился со мною и клялся въ вѣрности... Не можетъ быть, что-бъ онъ измѣнилъ... Да и не мыслимо дойти до такой глупости и думать о томъ, что онъ можетъ низвергнуть меня съ престола, благо будетъ состоятъ въ союзѣ съ бранденбуржцами и Силезіей!.. Онъ чересчуръ малъ для того и я могу его раздавить...

— Ваше величество! — отвѣтила Эсеиръ опять, помолчавъ. — Хотя вы не вѣрите въ эти слухи, но лучше быть осторожнымъ даже съ маленькимъ человѣкомъ... Малые люди способны посягнуть на большія дѣла, ибо имъ нечего терять! О старостѣ всѣ говорятъ, что онъ пріобрѣтаетъ себѣ людей, совершаетъ насилия, распространяетъ страхъ, и дворяне, боясь его, много претерпѣваютъ. Почему же его родной дядя Бенько, а также Вержбенъ не довѣряютъ ему?

Королю надѣли всякіе разговоры о Борковичѣ. Онъ не любилъ его, но и не считалъ опаснымъ.

— Я приказалъ наблюдать за нимъ, — сказалъ онъ. — Есть такіе люди, которые будутъ слѣдить за каждымъ его движе-

ніемъ; но какой смѣшной вымыселъ опозорить его въ моихъ глазахъ выдумкой, что онъ близкій другъ княжны!.. Конечно, это завѣдомая ложь!

И онъ вызывающе взглянулъ на Эсепрь, какъ будто ожидая отъ нея подтвержденія сказаннаго.

— Я не знаю придворныхъ обычаевъ,—отвѣтила она, по обыкновенію, подумавъ,—возможно ли это или нѣтъ... не знаю... одно вѣрно, что онъ часто бывалъ при силезскомъ дворѣ.

— Но вѣдь не у княжны? Едва ли онъ осмѣлился-бы даже взглянуть на нее. Хотя силезскіе Пясты отошли отъ насъ, связались съ нѣмцами и предпочли кланяться имъ, а не мнѣ, но они черезчуръ высоко цѣнятъ себя, чтобы имъ пришлось по вкусу какой-либо великопольскій панокъ...

Король презрительно разсмѣялся, но Эсепрь больше не посмѣла раздражать его и замолчала.

Казимира до того безпокоила эта сказка, какъ онъ называлъ ее, и до того удивляла своей несообразностью, что онъ даже спросилъ о ней Кохана.

Послѣдній отвѣтилъ, что и онъ тоже слышалъ эту смѣшную сплетню, но, зная Борковича, не придавалъ ей никакого значенія, хотя она была весьма вѣроятной.

— Вы сами знаете, ваше величество,—прибавилъ онъ,—что на свѣтѣ есть такіе люди, которые не постѣняются совершить святотатство!.. Мацекъ Борковичъ принадлежитъ къ такимъ людямъ, для которыхъ нѣтъ ничего святого и для которыхъ нѣтъ никого выше ихъ!

Король разсмѣялся.

— Всѣ вы преувеличиваете и хотите запугать меня какимъ-то Мацькой,—съ презрѣніемъ возразилъ онъ.—Собственно говоря, я никому не удивляюсь, но тебя, какъ умнаго и знающаго людей человѣка,—положительно не понимаю!

— Ваше величество!—воскликнулъ обиженно Рава.—Я не боюсь за васъ, но именно потому, что я знаю этого человѣка,—вѣрю во все, въ чемъ его обвиняютъ. Пусть онъ сто разъ клянется, пусть отпирается и кланяется, но я могу сказать, что если онъ не измѣнникъ, то только потому, что не сумѣетъ измѣнить, но носить въ сердцѣ измѣну и она проглядываетъ у него въ глазахъ.

Король съ вниманіемъ выслушалъ рѣчь Кохана, подумалъ и потомъ отвѣтилъ:

— Если онъ затѣваетъ измѣну, то я сдѣлаю на немъ первомъ опытѣ, умѣю ли я карать за нее. Дѣло не во мнѣ, а въ коронѣ, и кто осмѣлится прикоснуться къ ней, тотъ погибнетъ!

Послѣднія слова король сказалъ такъ громко и ясно, что Коханъ не смѣлъ возражать и тихо ушелъ изъ комнаты.

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.
